

Л А Й З А
Д Ж У Э Л Л

День,
когда я тебя
найду

18+

РОМАНЫ О СИЛЬНЫХ ЧУВСТВАХ

Романы о сильных чувствах

Лайза Джуэлл

День, когда я тебя найду

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Джуэлл Л.

День, когда я тебя найду / Л. Джуэлл — «Эксмо»,
2016 — (Романы о сильных чувствах)

ISBN 978-5-04-088779-8

Элис Лейк оставила Лондон ради жизни в старинном доме на берегу Северного моря. Однажды утром на пляже она увидела сидящего прямо на холодном песке незнакомца. Он провел там много часов. Когда Элис попыталась ему помочь, он признался, что совершил нечто ужасное. Как это связано с тем, что муж киевлянки Лили накануне вечером не пришел с работы? А с тем, что в далеком 1993 году подростки Грей, Марк и Кирсти серьезно поссорились на вечеринке? Элис хотела спокойной жизни, но загадочный незнакомец перевернул ее мир вверх дном. И вот она уже втянута в очень странную историю...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-088779-8

© Джуэлл Л., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть I	6
1	6
2	13
3	15
4	18
5	21
6	26
Часть II	28
7	28
8	31
9	34
10	37
11	41
12	43
13	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лайза Джуэлл

День, когда я тебя найду

*Эта книга посвящается Яше (вот видишь, я люблю тебя больше,
чем собаку)*

© Лазарева Д., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Часть I

1

Элис Лейк живет у моря. В маленьком домике, построенном более трехсот лет назад, для людей гораздо меньшего роста, чем она. Потолки в нем наклонные и слегка выпуклые, и ее четырнадцатилетнему сыну приходится наклонять голову, чтобы зайти в переднюю дверь. Дети были такими маленькими, когда она привезла их сюда из Лондона шесть лет назад. Жасмин было десять. Каю восемь. А малышке Романе – всего четыре месяца. Элис и представить не могла, что однажды ее ребенок станет таким долговязым, под метр восемьдесят. Она не ожидала, что однажды они перерастут это место.

Элис сидит в маленькой комнатке под крышей своего маленького домика. Здесь – ее рабочий кабинет. Она создает поделки из старых карт и продает их в Интернете за смешные деньги. Смешные для произведения искусства, сделанного из старой карты, но вовсе не смешные для матери-одиночки с тремя детьми. Она продает две-три картины в неделю. На жизнь хватает – почти.

За окном трепещет на неистовом апрельском ветру гирлянда выгоревших на солнце флажков, подвешенная между викторианскими фонарями. Слева виднеется стапель, где разноцветные рыбацкие лодки выстраиваются в ряд вдоль бетонной пристани и где могучая, грозная пена Северного моря бьется о скалистый берег. За пристанью начинается море. Черное и бесконечное. Элис не перестает изумляться его безбрежности. В Брикстоне, где она жила раньше, из окна было видно стены, чужие сады, высотные дома и дымные небеса. А потом вдруг, за одну ночь, появилось целое море. Если она сидит на диване на другом конце комнаты, то видит только его, будто оно – часть комнаты, вот-вот просочится сквозь оконную раму и все затопит.

Элис снова бросает взгляд на экран айпада. Маленькая квадратная комната, кошка на зеленом диване вылизывает лапы, на журнальном столике – заварочный чайник. Откуда-то сбоку слышатся голоса: ее мать разговаривает с сиделкой, ее отец разговаривает с ее матерью. Она не может расслышать, что именно они говорят, потому что микрофон на веб-камере, которую она установила у них в гостиной во время последнего визита, недостаточно четко передает звук из других комнат. Но Элис хотя бы может убедиться, что сиделка на месте, ее родители – накормлены, помыты, одеты, выпили все лекарства и ближайшие несколько часов она может не беспокоиться.

Этого она тоже никак не ожидала, когда шесть лет назад решила переехать на север. Что у ее деятельных, умных родителей, которым едва исполнилось семьдесят, разовьется болезнь Альцгеймера – почти одновременно, с разницей в несколько недель, – и им понадобится постоянное наблюдение и забота.

На экране ноутбука Элис – заказ от мужчины по имени Макс Фитцгиббон. Он хочет подарить жене на пятидесятилетие розу, изготовленную из карт Камбрии, Челси и Сен-Тропе. Элис хорошо представляет этого человека: хорошо сохранившийся, с седыми волосами и в лиловом свитере с молнией под горло, по-прежнему безнадежно влюбленный в жену, хотя их браку уже двадцать пять лет. Обо всем этом она догадалась по его имени, адресу и выбору подарка («пышные английские розы всегда были ее любимыми цветами», написал он в окошке «дополнительные комментарии»).

Элис отрывает взгляд от экрана и смотрит в окно. Он по-прежнему там. Тот мужчина на пляже.

Он провел там весь день, в тех пор как она открыла занавески в семь утра: сидит на влажном песке, обхватив руками колени, и смотрит в море. Она наблюдала за ним, опасаясь, что он собирается покончить с собой. Однажды такое уже случилось. Мертвенно-бледный в сине-белом свете луны юноша оставил на пляже куртку и бесследно исчез. Элис до сих пор не может его забыть, хотя прошло уже три года.

Но этот мужчина не двигается. Просто сидит и смотрит на море. Сегодня холодно и дует сильный ветер, принося с собой ледяные брызги с поверхности воды. Но на мужчине только рубашка и джинсы. Ни куртки. Ни сумки. Ни шапки, ни шарфа. С ним явно что-то не так: недостаточно грязный, чтобы быть бродягой, недостаточно странный, чтобы быть пациентом местного Центра дневного ухода для психически больных. Слишком спортивный для наркомана, не выпил ни капли спиртного... Элис пытается подобрать верное слово, и наконец ей это удается. Он выглядит *потерянным*.

Час спустя начинается дождь. Сквозь испещренное каплями стекло Элис всматривается вниз, на пляж. Он по-прежнему там. Каштановые волосы прилипли к голове, руки и плечи потемнели от влаги. Через полчаса она должна забрать из школы Роману. За долю секунды Элис принимает решение.

– Хиро! – окликает она коричневого стаффа. – Сэди! – зовет она дряхлого пуделя. – Грифф! – это уже относится к грейхаунду. – Гулять!

У Элис три собаки. Грифф, грейхаунд, – единственный, кого она взяла осознанно. Пудель – ее родителей. Псине уже восемнадцать лет, и, по логике, она давно должна быть в могиле. Она уже лишилась половины шерсти, и у нее лысые, тонкие, как у птички, лапы, но она по-прежнему желает выгуливаться вместе с другими собаками. А Хиро, стафф, – собака предыдущего жильца, Барри. Однажды он просто исчез, оставив у Элис все вещи, в том числе – неадекватную собаку. На прогулке Хиро приходится надевать намордник, потому что она нападает на детские коляски и мототорллеры.

Элис пристегивает к ошейникам поводки, пока собаки выются у нее в ногах, и замечает еще одну оставленную после ночного побега Барри вещь, висящую на крючке рядом с поводками: потрепанную старую куртку. Глядя на нее, Элис невольно морщит нос. Однажды по большой глупости – и от мучительного одиночества – она переспала с Барри и начала сожалеть об этом с того момента, как только он лег на нее сверху и она поняла, что он пахнет сыром. Запах исходил из каждой складки его полноватого тела. Элис задержала дыхание и перетерпела, но с тех пор Барри ассоциировался у нее с этим запахом.

Она осторожно снимает куртку с крючка и вешает себе на руку. Берет собак на поводки, не забывает зонтик и направляется к пляжу.

– Возьми, – говорит Элис, протягивая куртку незнакомцу. – Она немного пахнет, но зато не пропускает воду. И смотри, у нее есть капюшон.

Мужчина медленно оборачивается и смотрит на нее.

Похоже, он не совсем ее понимает, и Элис пускается в объяснения:

– Это куртка Барри. Моего бывшего жильца. У тебя с ним примерно один размер. Но ты пахнешь лучше. Ну, отсюда мне, конечно, не слышно. Но, судя по твоему виду, ты пахнешь приятно.

Мужчина смотрит на Элис, а потом на куртку.

– Так что, – спрашивает она, – возьмешь?

Никакого ответа.

– Ладно. Тогда я просто оставлю ее тебе. Мне она совершенно не нужна, так что можешь оставить себе. Если хочешь, можешь просто на нее сесть. Или выбросить в мусорный бак.

Она бросает куртку к его ногам и выпрямляется. Он смотрит на нее.

– Спасибо.

– Ого, так ты разговариваешь?

Он выглядит удивленным.

– Конечно, разговариваю.

У него южный акцент. Глаза такого же рыже-коричневого оттенка, как и волосы, щетина на подбородке. Он по-своему красив.

– Хорошо, – отвечает она, пряча свободную руку в карман и сжимая другой рукой ручку зонта. – Рада слышать.

Он улыбается, прижимая к себе влажную куртку.

– Ты уверена?

– Насчет этого? – она показывает глазами на куртку. – Буду тебе благодарна. Возьми ее. Серьезно.

Он натягивает куртку на промокшую одежду и застегивает ее, немного провозившись с молнией.

– Спасибо, – повторяет он. – Честно.

Элис поворачивается, проверяя, где собаки. Сэди сидит у ее ног, худая и мокрая. Остальные двое носятся у кромки воды. Потом она снова поворачивается к мужчине:

– Почему ты не укроешься где-нибудь от дождя? По прогнозу, лить будет до завтрашнего утра. Ты можешь простудиться.

– Кто ты? – спрашивает он, прищурившись, словно она уже представилась, но он тут же забыл ее имя.

– Я Элис. Ты меня не знаешь.

– Нет, – отвечает он, – не знаю.

Похоже, это его успокаивает.

– В любом случае, – говорит Элис, – мне пора идти.

– Конечно.

Элис дергает Сэди за поводок, и пудель поднимается на ноги, пошатываясь, как новорожденный жираф.

Элис пытается подзвать двух других собак. Они ее игнорируют. Она раздраженно цокает языком и зовет их снова.

– Вот придурки, – бормочет Элис. – Идите сюда! – вопит она, направляясь в их сторону. – Ко мне!

Оба уже успели искупаться в море. Хиро покрыта слоем зеленого ила. Они будут вонять. А скоро нужно идти за Романой. Нельзя снова опаздывать. Вчера она опоздала, потому что увлеклась работой и забыла про время, и ей пришлось забирать Роману из школы без десяти четыре: секретарша посмотрела на нее из-за монитора компьютера, словно она – пятно на ковре.

– Ну же, говнюки! – Она бежит по пляжу и пытается схватить Гриффа за поводок. Грифф думает, что это – приглашение повеселиться, и игриво отскакивает прочь. Элис направляется к Хиро, но та убегает. Тем временем бедняжка Сэди волочится на поводке, напрягая тощую шею и не успевая толком выпрямиться, а дождь все идет, джинсы Элис промокли, ладони заledenели, и время поджидает. Она раздраженно вскрикивает и использует подход, который применяла к детям, когда они были маленькими.

– Ладно, – говорит она. – Хорошо. Оставайтесь здесь. Посмотрим, как вы справитесь без меня. Идите, выпрашивайте объедки у чертового мясника. *Всего хорошего.*

Собаки замирают и смотрят на нее. Она отворачивается и уходит.

– Нужны собаки? – спрашивает она у по-прежнему сидящего под дождем незнакомца. – Правда? Хотите забрать их себе? Они ваши.

Мужчина вздрагивает и поднимает на нее пряничные глаза.

– Я... Я...

Она закатывает глаза:

– Я шучу.

– Да. Конечно. Я понял.

Она направляется в сторону стапеля, к лестнице, ведущей с пляжа. Половина четвертого. Собаки стоят у кромки воды, смотрят друг на друга, а потом снова на Элис. Потом срываются с места и через несколько секунд оказываются у ног хозяйки, соленые и вонючие.

Элис начинает подниматься по ступенькам, но оборачивается, услышав голос мужчины.

– Прошу прощения! – кричит он. – Где я?

– Что?

– Где я? Как называется это место?

Она смеется.

– Ты серьезно?

– Да, – отвечает он. – Серьезно.

– Рэдинхауз-Бэй.

Он кивает:

– Ясно. Спасибо.

– Спрячься где-нибудь, хорошо? – мягко говорит она мужчине. – Пожалуйста, уйди с этого дождя.

Он виновато улыбается, Элис машет ему рукой и направляется к школе, надеясь, что, когда она вернется, его уже здесь не будет.

Элис знает – в Рэдинхауз-Бэй ее считают кем-то вроде местной чудачки. Хотя, по справедливости, это место было переполнено странными людьми еще до ее появления. Но даже в таком странном городке, как этот, Элис выделяется из-за своего брикстонского акцента, разно-цветной семейки и довольно бестактного поведения. Не говоря уж о собаках. Они делают из нее посмешище, куда бы она ни направилась. Не желают идти рядом, лают и щелкают зубами, скулят и воют возле магазинов. Она замечала, что люди переходят на другую сторону улицы, лишь бы держаться подальше от ее питомцев, особенно от Хиро с ее намордником и огромными лапами.

С тех пор как Элис сюда переехала, она играет роль загадочной, слегка пугающей одиночки, хотя на самом деле она совершенно не такая. В Лондоне друзей у нее было выше крыши. Она даже не справлялась с таким количеством друзей. Элис была тусовщицей, из тех, кто приезжает с бутылкой водки и ставит все на свои места. Она была из тех мам, кто стоит у входа в школу после уроков и предлагает: пойдем выпьем кофе, кто со мной? И она всегда становилась душой компании – смеялась громче всех и болтала больше всех. Пока не зашла слишком далеко.

Но теперь у нее здесь есть подруга. Свой человек. Дерри Дайнз. Они познакомились полтора года назад, когда Элис впервые отвела Роману в школу. Их взгляды встретились, и промелькнула вспышка мгновенного признания друг друга, взаимного восхищения. «Хочешь кофе?» – спросила Дерри Дайнз, заметив слезы в глазах Элис, наблюдающей, как ее малышка уходит в классную комнату. «Или чего-нибудь покрепче?»

Дерри примерно на пять лет старше Элис и на голову ниже ростом. У нее есть сын, ровесник Романы, и взрослая дочь, которая живет в Эдинбурге. Она любит собак (настолько, что даже позволяет им целовать себя в губы) и любит Элис. Дерри быстро поняла, что Элис склонна принимать ужасные решения и терять контроль над собственной жизнью, и теперь старается удерживать подругу от глупостей. Она может часами обсуждать с Элис школьные проблемы Романы, но останавливает подругу, если та собирается ворваться в кабинет

и наорать на секретаря. Она может выпить с Элис две бутылки вина на школьном вечере, но посоветует ей заткнуть пробкой третью. Она подсказывает Элис, к какому пойти парикмахеру и что сказать: «Попроси подстричь лесенкой, без перьев, и сделать мелирование». Раньше Дерри работала парикмахером, но теперь она занимается нетрадиционной медициной. И разбирается в финансах Элис лучше, чем сама Элис.

Теперь она стоит возле школы под огромным красным зонтом, вместе со своим сыном Дэнни и Романой.

– Боже. Спасибо. Собаки на пляже как с ума посходили, я их еле поймала.

Она наклоняется, чтобы поцеловать Роману в макушку, и забирает у нее коробку для завтраков.

– Как тебя вообще занесло на пляж в такую погоду?

Элис цокает языком:

– Лучше тебе не знать.

– Нет уж, скажи, – допытывается Дерри.

– Ты сейчас занята? Есть время на чашечку чая?

Дерри опускает взгляд на сына и говорит:

– Я собиралась отправиться с этим шалопаем в центр за ботинками...

– Ну, значит, отправишься через меня, и я тебе покажу, что меня задержало на пляже.

– Смотри, – говорит она, стоя возле пляжа и вглядываясь в каскады воды, текущие с зонта. – Он по-прежнему там.

– Он? – спрашивает Дерри.

– Да. Он. Я дала ему эту куртку. Одну из курток Барри.

Дерри невольно содрогается. Она тоже помнит Барри. Элис очень подробно и основательно описала ей события того времени.

– Получается, у него не было куртки? До этого?

– Нет. Сидел там в рубашке. Мокрый насквозь. Спросил у меня, где он находится.

Дети подтягиваются на пальцах и выглядывают из-за ограды пляжа.

– Где он находится?

– Да. Он казался немного растерянным.

– Не лезь в это дело, – говорит Дерри.

– Кто сказал, что я лезу?

– Ты дала ему куртку. Ты уже лезешь.

– Это был акт простой человеческой доброты.

– Да, – иронизирует Дерри. – Именно.

Вместо ответа Элис хмыкает и уходит от ограды пляжа прочь.

– Ты что, правда пойдешь по магазинам? – спрашивает она подругу. – В такую погоду?

Дерри всматривается в темное небо над головой и говорит:

– Может, и нет.

– Тогда пойдем ко мне, – приглашает Элис. – Я разожгу камин.

Дерри с Дэнни проводят вместе несколько часов. Малыши играют в гостиной, а женщины пьют на кухне чай. Жасмин приходит в четыре, промокшая насквозь и с влажным рюкзаком, полным курсовых работ средней школы, без куртки и без зонта. Кай возвращается в половине пятого с двумя друзьями из школы. Элис готовит спагетти и хочет открыть бутылку вина, но Дерри останавливает ее, сказав, что им пора домой. Они с Дэнни уходят в шесть. По-прежнему идет дождь. Маленькие ручейки грязной дождевой воды стекают по ступеням к пляжу и водопадами льются с крыш. Поднимается ветер, он сдувает капли дождя, и они заливают все вокруг.

С верхнего этажа Элис видит, что мужчина по-прежнему на берегу. Но теперь он передвинулся подальше от воды, к ограде, и сидит на мотке веревки. Его лицо обращено в небо, глаза закрыты, и Элис больно на него смотреть. Конечно, он может быть сумасшедшим. Может быть опасен. Но она вспоминает его печальные янтарные глаза и мягкость в голосе, когда он спросил, где находится. А она сидит в доме, полном народу, с охапкой дров, горящих в камине, в тепле, сухости и безопасности. Она не может просто сидеть и смотреть на него.

Она готовит ему чашку чая, переливает в термос, просит старших детей присмотреть за Романой и отправляется на пляж.

– Держи, – говорит она, протягивая ему термос.

Он берет чай и улыбается.

– Кажется, я сказала тебе, чтобы ты где-нибудь укрылся от дождя.

– Я помню, – отвечает он.

– Отлично. Но вижу, ты не последовал моему совету.

– Я не могу нигде спрятаться.

– Ты бездомный?

Он кивает. Потом качает головой. Потом говорит:

– Наверное. Я не знаю.

– Ты не знаешь? – мягко смеется Элис. – Ты давно тут сидишь?

– Я пришел сюда вчера ночью.

– Откуда ты пришел?

Он поворачивается и смотрит на нее. Его глаза широко раскрыты и полны страха.

– Я не знаю.

Элис слегка отстраняется. Она начинает жалеть, что сюда пришла. *Влезла в это дело*, как сказала Дерри.

– Серьезно? – спрашивает она.

Он смахивает со лба влажные волосы и вздыхает.

– Серьезно.

Потом наливает себе чашку чая и поднимает тост.

– За тебя, – говорит он. – Ты очень добрая.

Элис смотрит вдаль, на море. Она не знает, как отвечать. В какой-то момент ей хочется вернуться домой, в тепло, но потом она чувствует, что нужно еще ненадолго остаться. Она задает незнакомцу новый вопрос:

– Как тебя зовут?

– Думаю, – говорит он, опустив взгляд в чай, – я потерял память. В смысле, – он вдруг резко поворачивается к ней, – это было бы разумным объяснением, верно? Единственным разумным объяснением всего происходящего. Потому что я не знаю, как меня зовут. Но у меня должно быть имя. У каждого человека есть имя. Верно?

Элис кивает.

– И я не знаю, почему я здесь и как сюда попал. Чем дольше я обо всем этом думаю, тем больше уверен в том, что я потерял память.

– Ну да, – соглашается Элис. – Вполне возможно. Ты... Ты не ранен? – она указывает на его голову.

Он быстро ощупывает голову и смотрит на нее.

– Нет, – говорит он. – Не похоже.

– Ты уже терял память когда-нибудь раньше?

– Не знаю, – отвечает он с такой непосредственностью, что оба смеются.

– Ты же знаешь, что находишься на севере? – спрашивает она.

– Нет, – отвечает он. – Я не знал.

– А акцент у тебя южный. Ты оттуда?

Он пожимает плечами.

– Думаю, да.

– Боже, – не выдерживает Элис, – просто какое-то безумие. Полагаю, ты уже проверил все карманы.

– Ага, – ответил он. – И кое-что нашел. Но не представляю, что с этим делать.

– Это еще у тебя?

– Да, вот здесь, – он наклоняется в сторону и достает из заднего кармана кипу влажной бумаги. – Ой...

Элис смотрит на мокрый комок, а потом – в темнеющее небо. Проводит руками по лицу и вздыхает.

– Ладно. Похоже, я сошла с ума. Ну, на самом деле, я *уже* сумасшедшая. Но у меня на заднем дворе есть сарай, а в нем – комната-студия. Обычно я сдаю ее в аренду, но сейчас она пустует. Может, тебе переночевать там? Мы высушим эти бумажки и попробуем завтра привести тебя в порядок? Да?

Он поворачивается и смотрит на нее, словно не в силах поверить этим словам.

– Да, – говорит он. – Большое спасибо.

– Должна предупредить, – говорит она, поднимаясь на ноги, – у меня дома хаос. У меня трое очень шумных, невоспитанных детей и три жуткие собаки, вокруг полный бардак. Так что не ожидай священного порядка. Его и близко нет.

Он кивает:

– Честное слово, мне все равно. Совершенно не важно. Я просто очень благодарен тебе. Поверить не могу, как ты добра ко мне.

– Да, – говорит Элис, поднимаясь вместе с насквозь вымокшим незнакомцем по ступеням с пляжа и указывая ему путь к своему домику, – я тоже.

2

У Лили внутри все сжалось, как камень. Сердце колотится что есть силы, и это продолжается уже так долго, что ей кажется – она вот-вот упадет в обморок. Она встает и направляется к окну, как делала каждые несколько минут последние двадцать три с половиной часа. Через полчаса она снова вызовет полицию. Они сказали, что нужно прождать именно столько, прежде чем она сможет подать заявление и его официально признают пропавшим без вести. Но она поняла, что он пропал, еще вчера вечером, когда прождала его с работы на час дольше обычного времени. У нее по позвоночнику словно провели кусочком льда. Они вернулись из медового месяца всего десять дней назад. Он бежал домой с работы, иногда приходил даже раньше срока, но никогда не опаздывал ни на минуту. Он приходил домой с подарками, открытками в духе «женаты уже две недели», с цветами. Он врывался со словами: «Боже, детка, я так скучал» – и страстно прижимал ее к себе.

Но не прошлым вечером. Он не вернулся в половине шестого. И в семь. Минуты тянулись нескончаемо. Первый час на его телефоне были слышны гудки. А потом все вдруг прекратилось – ни гудков, ни автоответчика, только унылый высокий звук. Лили переполнило слепое, мучительное бессилие.

Полиция... Ну, до прошлого вечера у Лили не было никакого мнения о британской полиции. Как не может быть у человека мнения о местной прачечной, если он ни разу там не был. Но теперь ее мнение сформировалось. И весьма определенное.

Через двадцать минут она позвонит им снова. Не важно, как это выглядит. Она знает, что они думают. Они думают: глупая девчонка, с иностранным акцентом, возможно, невеста с сайта знакомств (а она *не* невеста с сайта знакомств. Они с мужем познакомились лично, в реальной жизни). Она знает – женщина, с которой она говорила, считает, что ее муж спутался с кем-то у нее за спиной. Что он ей изменяет. Что-нибудь в таком духе. Она поняла это по ее расслабленному голосу. «А не мог он просто задержаться после работы? – спросила она. – Отправиться в паб?» Помимо разговора, женщина явно была занята чем-то еще: может, листала журнал или красила ногти. «Нет! – ответила Лили. – Нет. Он не ходит в паб. Он просто едет домой. Ко мне».

Теперь, спустя время, она понимает – так говорить не стоило. Она так и видит сардонически поднятую бровь сотрудницы полиции.

Лили не знает, кому еще позвонить. Она знает, что у Карла есть мать, и однажды говорила с ней по телефону – в день свадьбы, но они пока не встречались. Ее зовут то ли Мария, то ли Мэри, то ли Мари, и она живет... Господи, Лили даже не знает, где она живет. Кажется, название населенного пункта начинается на букву «С». На западе? А может, на востоке. Один раз Карл говорил ей, но она не запомнила, а все телефонные номера Карл хранит в мобильном. Что она может сделать?

Еще она знает, что у Карла есть сестра. Ее зовут Сюзанна. Или Сьюзан? Она гораздо старше его и живет рядом с мамой в месте, которое начинается на букву «С». Они не общаются. Карл не рассказывал почему. А еще у него есть друг, Расс, который звонит каждые несколько дней, чтобы обсудить футбол, погоду, и еще он говорит, что в ближайшее время им нужно выбраться в паб, но это сложно устроить, потому что у Расса недавно родился ребенок.

Лили уверена: в жизни Карла есть и другие люди, но она знакома с ним лишь с февраля, замужем за ним всего три недели и живет с ним всего десять дней, поэтому не успела еще освоиться в его мире. И в этой стране. Она здесь никого не знает, и никто не знает ее. К счастью, Лили бегло говорит по-английски, и общение для нее – не проблема. Но все равно – здесь все очень сложно. И очень странно быть совершенно одной.

Наконец на часах отображается 6:01, Лили берет трубку и звонит в полицию.

«Здравствуйте, – говорит она мужчине на другом конце провода, – меня зовут миссис Лили Монроуз. Я хочу заявить о пропавшем человеке».

3

– Прошу прощения, – говорит женщина по имени Элис, склоняясь через маленький столик, чтобы открыть пару синих занавесок. – Здесь немного затхло. Я не принимала постояльцев уже несколько недель.

Он осматривается. Маленькая, отделанная деревом комнатка, с окошком в крыше и застекленной дверью, ведущей в задний сад Элис. Обстановка спартанская. Раскладушка у стены, раковина, холодильник, маленькая плита, портативный обогреватель, стол, два пластиковых стула, запачканный тростниковый коврик на полу. Но деревянные стены покрашены в элегантный оттенок зеленого, и на них висят очень симпатичные поделки: цветы, лица и здания, сделанные из кусочков старых карт разных оттенков, искусно сложенных вместе. Рядом с кроватью – украшенная бисером лампа. Общее впечатление довольно приятное. Но она права, запах есть: унылая смесь плесени и сырости.

– За соседней дверью – уличный туалет. Больше им никто не пользуется. А днем можешь воспользоваться душевой на первом этаже – она прямо возле заднего крыльца. Пойдем покажу, – ее голос звучит резко и немного испуганно.

Следуя за ней по усыпанному гравием заднему двору, мужчина внимательно рассматривает ее со спины. Высокая, довольно стройная женщина, возможно, немного полноватая в области талии. На ней – узкие черные джинсы и широкий свитер, вероятно, чтобы замаскировать талию и подчеркнуть длинные ноги. На ногах черные ботинки, немного напоминающие «Доктор Мартинс», но не совсем. Волосы – упругая масса цвета карамели, меда, патоки и грязи. «Плохое мелирование», – думает он и сразу удивляется, откуда он может разбираться в таких вещах. Может, он парикмахер?

Маленькая задняя дверь поддается ей не сразу, и она привычным движением ударяет по ней снизу ногой. Прямо и на три ступени вниз – узкая кухня, слева – дешевая дверь из клееной фанеры, ведущая в довольно печальную душевую.

– Мы все используем ту, что наверху, так что эта в твоем распоряжении. Хочешь принять душ? Чтобы согреться?

Она начинает поворачивать скрипучие краны, прежде чем он успевает ответить. Закатывает рукава своего просторного свитера, чтобы смешать воду, и он замечает ее локти. Морщинистые, бесформенные складки. «Лет сорок, сорок пять», – думает он. Она поворачивается и улыбается.

– Ну, – говорит она, – пока ванна наполняется, давай тебя чем-нибудь накормим. И положим это на обогреватель, – она берет у него мокрые кусочки бумаги, которые он нашел в карманах, и он снова идет за ней на кухню: стены покрашены ярко-красным, кастрюли висят на крючках над головой, раковина, заполненная грязной посудой, и пробковая доска с развешенными на булавках детскими каракулями. За маленьким столиком в углу сидит девочка-подросток. Она смотрит на него и переводит вопросительный взгляд на женщину.

– Это Жасмин. Моя старшая. Это, – она жестом указывает на него, – странный мужчина, которого я только что подобрала на пляже. Сегодня он поспит у нас в сарае.

Девочка по имени Жасмин поднимает бровь с пирсингом, глядя на мать, и посылает ему испепеляющий взгляд.

– Чудесно.

Внешне она совсем не похожа на маму. Темные волосы, брутальная короткая стрижка со слишком высокой челкой на лбу, которая, как ни странно, хорошо обрамляет ее квадратное лицо, полные алые губы и большие глаза. Она смотрится экзотично, напоминает мексиканскую актрису, чье имя он не может вспомнить.

Элис распаковывает красный холодильник и озвучивает ему содержимое:

– Сэндвич с ветчиной? Хлеб с паштетом? Хочешь, подогрею цветную капусту с сыром? Еще есть старый карри. С субботы. Какой сегодня день? Среда. Уверена, он в порядке. Он ведь должен быть в порядке? Разве не для этого изобрели карри? Чтобы сохранять мясо?

Ему тяжело усваивать информацию. Принимать решения. Он подозревает, что именно поэтому просидел на пляже больше двенадцати часов. Он знал, что у него есть варианты. Но не мог сложить их в единое целое. И вместо этого сидел, тупо погрузившись в себя. Пока не пришла эта резкая женщина и не приняла за него решение.

– Мне правда все равно, – говорит он. – Что угодно.

– К черту, – она захлопывает дверцу холодильника, – закажу пиццу.

Он испытывает облегчение: за него приняли очередное решение. А потом неловкость: он вспоминает, что у него нет денег, кроме нескольких мелких монет.

– Боюсь, у меня нет денег.

– Да. Я в курсе, – отвечает Элис. – Мы же проверили твои карманы, помнишь? Все в порядке. Я заплачу. К тому же вот эта, – она кивает в сторону дочери, – питается воздухом. И в итоге мне все равно приходится выбрасывать ее порцию. Я просто закажу, сколько заказала бы обычно. Даже если бы тебя здесь не было.

Жасмин закатывает свои густо подведенные глаза, и он следует за Элис в маленькую гостиную, наклоняя голову, чтобы не стукнуться о низкую перекладину. Здесь сидит маленькая девочка со светлыми кудряшками, уютно устроившись рядом с другим подростком, худым и высоким, с явными афрокарибскими корнями. Оба отрываются от телевизора и с тревогой смотрят на него.

Элис роется в ящике письменного стола.

– Это мужчина, которого я нашла на пляже, – сообщает она, не оборачиваясь. Потом достает из ящика буклет, закрывает ящик и протягивает буклет подростку. – У нас сегодня пицца. Выбери что-нибудь.

Лицо мальчика озаряется радостью, и он выпрямляется, убирая руки девочки со своей талии.

– Романа, – представляет Элис, указывая на маленькую девочку, – и Кай, – показывает она на высокого подростка. – И да, это все мои родные дети. Я не приемная мать. Сядь наконец, ради бога.

Он опускается на маленький диванчик с цветочным орнаментом. Очень уютная комната. В камине горит огонь, удобная, немного потрепанная, но со вкусом подобранная мебель, темные поперечные балки на потолке, темно-серые стены, на которых висят светильники из уранового стекла. Прямо за окном висит викторианский уличный фонарь, за ним – гирлянда ярких белых огней, а за ней – серебристые отсветы моря. Атмосферно. Но Элис – явно не лучшая домохозяйка. Все заросло пылью, с балок свисает паутина, поверхности усыпаны мелким хламом, а ковер, похоже, ни разу не пылесосили.

Элис принимается раскладывать содержимое его карманов на обогреватель.

– Билеты на поезд, – бормочет она, расправляя бумажки, – на вчерашнее число, – она пристально вглядывается. – Не могу разобрать время. Кай? – она передает влажный билет сыну. – Можешь прочесть?

Мальчик берет билет, осматривает и отдает ей обратно.

– Семь пятьдесят восемь.

– Последний поезд, – говорит Элис. – Значит, ты делал пересадку в Донкастере. Приехал совсем поздно, – она продолжает разбирать бумаги. – Здесь какой-то чек. Не понимаю, что на нем написано, – она перекладывает его на обогреватель.

Ее лицо, пожалуй, можно назвать привлекательным. Правильные черты, маленькие ямочки на щеках, красивые губы. Под глазами – смазанные остатки нанесенной утром под-

водки, но больше никаких следов косметики. Она почти красотка. Но в ней чувствуется внутренняя жесткость.

– Еще чек. Еще чек. Салфетка? – она протягивает ему. Он качает головой, и она бросает ее в огонь. – Нечто вроде. Нет ни паспорта, ни других документов. Ты – полная загадка.

– Как его зовут? – спрашивает Романа.

– Я не знаю, как его зовут. Он *сам* не знает, как его зовут. Он потерял память, – Элис говорит это, словно это совершенно нормально, и маленькая девочка хмурит брови:

– Где потерял?

Элис смеется и говорит:

– Романа, ты хорошо умеешь придумывать имена. Он не может вспомнить, как его зовут, но как-то называть его нам придется. Как будем его называть?

Малышка пристально смотрит на мужчину. Он подозревает, что она придумает какую-нибудь детскую бессмыслицу. Но она отводит глаза в сторону, складывает губы и очень осторожно произносит слово *Фрэнк*.

– Фрэнк, – говорит Элис, задумчиво его оценивая. – Да. Фрэнк. Прекрасно. Умница, – она прикасается к кудряшкам девочки. – Ну, *Фрэнк*, – улыбается она, – думаю, твоя ванна готова. Полотенце на кровати, мыло на краю ванной. Когда закончишь, пицца уже должна быть здесь.

Он не помнит, как выбирали пиццу, и сомневается, что Фрэнк – его настоящее имя. У него голова идет кругом от этой женщины с ее назойливой уверенностью. Но он знает точно: у него мокрые носки, мокрые трусы, мокрая кожа, он промерз насквозь и больше всего на свете ему сейчас хочется попасть в горячий душ.

– Ой, – вспоминает он. – Сухая одежда. Хотя я с удовольствием снова надену эти вещи. Или можно...

– Кай может одолжить тебе штаны. И футболку. Я оставлю их для тебя возле задней двери.

– Спасибо, – говорит он. – Огромное спасибо.

Он встает, чтобы выйти из комнаты, и замечает, как она обменивается взглядами со своим сыном-подростком, и маска решительной беззаботности на мгновение спадает. Мальчик выглядит взволнованным и недовольным; он слегка качает головой. Она отвечает твердым кивком. Но и в ее глазах виден страх. Словно она начинает сомневаться в собственном решении. И задумываться, что этот мужчина вообще делает в ее доме.

В конце концов, он может быть кем угодно.

4

– Расскажите о своем муже, – просит сотрудница полиции по имени Беверли. – Сколько ему лет?

Лили теревит низ футболки.

– Сорок.

Она видит, как брови полицейской непроизвольно взмывают вверх.

– А вам?

– Мне двадцать один, – отвечает она. Ей хочется закричать – какая разница? Всего девятнадцать лет. Когда за жизнь можно прожить девяносто. И что?

– И его полное имя?

– Карл Джон Роберт Монроуз.

– Спасибо. И он проживает по этому адресу? – она оглядывает маленькую гостиную квартиры, куда они с Карлом въехали, когда вернулись с медового месяца, проведенного на Бали.

– Да. Конечно! – Лили осознает, что ответила грубо, даже не успев окончить фразы. Она осознает, что для коренных жителей Великобритании ее манеры могут показаться довольно резкими.

Сотрудница полиции выразительно смотрит на нее и шумно заполняет форму заявления.

– И расскажите мне про вчерашний день. Во сколько вы видели мужа в последний раз?

– Он уехал в семь утра. Он уходил в семь каждое утро.

– И куда он ездит на работу?

– Он работает в Лондоне. В финансовой компании.

– А вы звонили в его компанию?

– Разумеется! Первым делом!

Неужели эта женщина считает ее идиоткой, которая звонит в полицию, прежде чем позвонить на работу?

– И что они сказали?

– Что он ушел с работы в обычное время. Как я и ожидала. Каждый день Карл возвращается домой на одном и том же поезде. Если он задержится на работе, то опоздает на него.

– Хорошо. А вы разговаривали с ним по телефону? Когда он ушел с работы?

– Нет. Но он прислал мне сообщение. Вот.

Она включает телефон и показывает его полицейской – сообщение уже там, открыто заранее.

«Знаешь, в чем безумие? Вот в чем: сейчас я люблю тебя еще сильнее, чем любил сегодня утром! Увидимся через час! Если бы я мог, то заставил бы поезд ехать еще быстрее! Ххххх».

– И вот, смотрите, – показывает она, проматывая историю переписки, – это написано позавчера.

«Неужели ты действительно моя жена? Неужели мне так повезло?! Мне не терпится тебя обнять. Еще пятьдесят восемь минут!»

– Видите, – говорит Лили, – сильнее всего на свете этот человек хотел возвращаться по вечерам домой. Теперь вы понимаете, почему я уверена, что случилось что-то плохое?

Сотрудница полиции возвращает Лили телефон и вздыхает.

– Похоже, у него все серьезно, – со смехом замечает она.

– Это не шутка, – говорит Лили.

– Нет, – полицейская мгновенно становится серьезной. – Я этого и не говорила.

Лили тяжело вздыхает. И напоминает себе, что нужно стараться быть любезной.

– Простите, – бормочет она. – Я очень переживаю. Прошлую ночь мы впервые провели не вместе. Я не спала. Ни минуты.

Она отчаянно взмахивает руками и снова опускает их на колени. Ее собеседница смягчается, когда видит, что глаза Лили застилают слезы, и мягко сжимает ее руку.

– Итак, – она убирает руку. – Вы получили сообщение прошлым вечером, в пять. А потом?

– Ничего. Ничего. Я позвонила ему после шести и звонила снова, и снова, и снова, пока его телефон не разрядился.

Полицейская на мгновение замирает, и Лили чувствует, что ее наконец понимают, что впервые с тех пор, как Карл не вернулся прошлым вечером домой, кто-то верит, что он мог действительно пропасть, и не в кровати другой женщины.

– Где он садится на поезд?

– На вокзале Виктория.

– Всегда на один и тот же?

– Да. На пять ноль шесть, до Восточного Гринстеда.

– И он прибывает в Окстед в..?

– Пять сорок четыре. От станции досюда идти пятнадцать минут. И он приходит домой в пять пятьдесят девять. Каждый вечер. Каждый вечер.

– А вы работаете, мисс Монроуз?

– Нет. Я учусь.

– Где именно?

– Здесь. Я на заочном обучении. Бухгалтерское дело. Продолжаю учебу, которую начала на Украине. Мне пришлось уехать и оставить университет, чтобы быть с Карлом. И теперь нужно закончить начатое, – она пожимает плечами.

– И как долго вы здесь живете? В Великобритании?

– Неделью. И три дня.

– Ого. Недолго.

– Да, недолго.

– У вас прекрасный английский.

– Спасибо. Моя мама – переводчик. Она научила меня говорить на нем не хуже себя.

Полицейская надевает на ручку колпачок и задумчиво смотрит на Лили.

– Как вы познакомились? С мужем?

– Через маму. Она переводила на конференции по финансовым услугам в Киеве. Им были нужны люди, чтобы присмотреть за делегатами – показать им город, заказывать такси, все в таком духе. А мне были нужны деньги. Меня приставили к Карлу и некоторым его коллегам. И с первой же минуты стало понятно – я выйду за него замуж. С первой же минуты.

Сотрудница полиции зачарованно смотрит на Лили.

– Ух ты, – изумляется она. – Ух ты.

– Да, – соглашается Лили, – именно так.

– Ну, хорошо, – полицейская убирает ручку в карман и закрывает блокнот. – Посмотрим, что можно сделать. Не уверена, что у нас достаточно аргументов, чтобы заявлять о вашем муже как о пропавшем без вести. Но если сегодня вечером он не появится, позвоните снова.

У Лили падает сердце:

– Что?

– Уверена, ничего страшного не случилось. Правда. В девяти случаях из десяти – причина проста и невинна. Уверена, он вернется домой прежде, чем вы ляжете спать.

– Правда? Я знаю, вы в это не верите. Я уверена – вы верите мне. Уверена, это так.

Полицейская вздыхает.

– Ваш супруг – взрослый человек. Он не в группе риска. Я не могу открыть дело. Но давайте я проверю его данные в нашей базе, посмотрю, не приводили ли кого-нибудь подходящего под его описание.

У Лили сжимается сердце:

– Приводили?

– Да. Ну, понимаете. Приводили в полицейский участок. На допрос. И отправлю запрос в местные больницы. Может, он попал к ним.

– О боже.

Лили представляла эти картины всю ночь. Карл под колесами автобуса, заколотый ножом и брошенный умирать в переходе, плывущий лицом вниз по темным водам реки Темзы.

– Пока это все, что я могу для вас сделать.

Лили понимает, полицейская оказывает ей любезность, и заставляет себя улыбнуться.

– Спасибо. Я вам очень признательна.

– Но мне нужна фотография. У вас есть подходящая?

– Да, да, конечно.

Лили роется в сумочке, открывает кошелек и достает снимок из фотобудки: Карл, серьезный и красивый. Она передает карточку полицейской, ожидая, что та скажет что-нибудь насчет его невероятной привлекательности. Или насчет того, что он похож на Бена Аффлека. Но та просто прячет снимок в блокнот и произносит:

– Я вам его верну, обещаю. А пока поговорите с его друзьями и семьей. С его коллегами. Может, удастся что-нибудь выяснить.

Оставшись одна, несколько минут Лили стоит и смотрит в окно. Внизу – маленькая парковка. Там стоит черный «Ауди А5» Карла, на том самом месте, где он оставил его после воскресной поездки в супермаркет. От одной мысли о совместном походе в супермаркет с Карлом ей хочется свернуться в комочек и зарыдать.

Потом она оборачивается и смотрит на их дом. Квартиру, которую Карл для них выбрал, новую квартиру в новом доме, где никто не пользовался до них кухней, а крышка унитаза была еще заклеена бумажной лентой. Новое место, чтобы начать новую жизнь. С тяжелым сердцем Лили начинает открывать и обыскивать ящики, просматривать бумаги, пытаясь отыскать какую-нибудь неизвестную ей ранее деталь о муже, которая поможет разгадать загадку его исчезновения.

5

В пять утра дождь наконец заканчивается. Мягкий солнечный свет окрашивает небо в серебристо-серый цвет, и нахальный птичий гвалт вперемешку со скрипом лодок вдоль стапеля заставляют Элис прийти в себя. Неприятное пробуждение. Она заснула всего час назад, а предыдущие пять часов провела в состоянии повышенной тревоги, прислушиваясь к каждому отдельному звуку ночного шума, каждому скрипу старого дома, пугаясь каждого всполоха лунного света, отраженного с поверхности воды у нее за окном.

У нее в сарае не впервые ночует странный человек. За прошедшие годы она сдавала его многим незнакомцам. И порой куда более странным, чем Фрэнк. Но она хотя бы знала, кто они такие, откуда пришли и зачем. У них была история.

Но этот человек, «Фрэнк», вышел на сцену с другой стороны, тихо, без сценария. Его обаяние – а он очень обаятелен – ее нервирует. Кусочки и обрывки бумаг в его карманах не дали никакой ценной информации, кроме того, что во вторник вечером он приехал с вокзала Кингс-Кросс в Рэдинхауз-Бэй, а в какой-то другой момент своей недавней жизни потратил двадцать три фунта в хозяйственном магазине и купил багет и банку колы в закусочной.

Приняв ванну, он вышел на кухню в одежде Кая – порозовевший, взволнованный и ужасно смущенный. С мокрыми густыми каштановыми волосами и босиком. «Красивые ноги», – подметила Элис. К сведению. Она смотрела, как он ел пиццу, пытаясь сдержать импульс запихнуть себе в рот все сразу из-за сильного, дикого голода. Она предложила ему пиво, и он на мгновение замешкался, видимо, пытаясь определиться, любит ли он пиво или нет.

– Бери, – сказала она. – Давай узнаем о тебе хотя бы это.

Он взял пиво, и картина получилась немного странная – они вчетвером стоят и едят пиццу в компании большого испуганного мужчины в подростковой толстовке. Тут и не знаешь, что и сказать.

Когда он ушел спать, все дети повернулись к ней с холодным неодобрением во взгляде.

– Мам, что ты творишь? – наконец подала голос Жасмин.

– Где твое сострадание? – ответила Элис. – Бедный человек. Ни куртки. Ни денег. В такую погоду, – она жестом показала на кухонное окно, на крупный, сильный дождь, бьющий по стеклу.

– Он мог пойти в другое место, – добавил Кай.

– Да? Куда, например?

– Не знаю. В гостиницу.

– Кай, у него нет денег. В этом вся проблема.

– Да, только я не понимаю, почему это наша проблема.

– Господи, – простонала Элис, хотя и понимала, что дети правы, – ребята, у вас что, совсем нет человеческого милосердия? Чему вас вообще учат в школе?

– Ну, про педофилов, мошенников, вуайеристов, насильников и...

– Нет, – перебила Элис, – этому вас учат СМИ, и я вам тысячу раз уже говорила: по существу, все люди хорошие. Он – потерянная душа. Я – добрый самаритянин. Завтра в это время его уже не будет.

– Запри заднюю дверь, – сказал Кай. – *На два оборота.*

В тот момент она не приняла его беспокойство всерьез, но позднее, крикнув «спокойной ночи» в темное пространство между задней дверью и сараем, она заперла за собой дверь. И потом еще закрыла на засов. И никак не могла заснуть. Представляла то большую мужскую руку, зажимающую нежный подбородок ее спящей малышки, и ее широко раскрытые от ужаса глаза. Или шаги этого странного человека в гостиной, тихо открывающего ящики в

поисках золота или айпадов. Или как он подглядывает за силуэтом ее старшей дочери, бездумно раздевающейся перед окном. Хотя ее окно выходит на другую сторону. И хотя ее дочь никогда бы так не сделала, потому что глупое дитя считает себя *толстой*. Но все равно.

Элис оставляет попытки поспать и решает воспользоваться возможностью встать пораньше. Она пересекает комнату и вытаскивает из розетки айпад, включает приложение веб-камеры и какое-то время наблюдает за пустой гостиной родителей. С тех пор как они оба... *Заболели*, как она предпочитает называть то, что случилось с ними, избегая слов «слабоумие» и «старческий маразм», они начали вставать все позже и позже. Их утренняя сиделка приходит в десять, и ей приходится вытаскивать их из постелей, словно пару невыспавшихся подростков.

Она отключает айпад и распахивает шторы. После дождя море ровное, как стекло, и над ним поднимается розово-желтое солнце, сочное, как на Карибах. Гирлянды огоньков еще горят, как и фонари. Блестит угольно-черный тротуар. Красота!

Элис принимает душ, тихо передвигаясь по дому, чтобы не разбудить никого раньше времени. Возвращается в комнату и приводит себя в порядок. Обычно у нее никогда не хватает на это времени. Обычно она встает слишком поздно и успевает только убедиться, что выходит из дома не голышом. Она обнаруживает, что волосы выглядят весьма эксцентрично. Ее последнее мелирование было довольно смелым, или, как сказала Жасмин, *полосатым*. А теперь сквозь него виднеются непрокрашенные корни волос цвета соли с перцем. Дождливый день тоже не пошел на пользу ее прическе.

Она стирает остатки вчерашней подводки для глаз и принимается выискивать в верхнем ящике туалетного столика косметичку, которая обычно извлекается на свет лишь по особым случаям. Она пытается убедить себя, что делает это из-за того, что у нее появилось время. И это никак не связано с привлекательным мужчиной у нее в сарае. Она убирает безумную, напоминающую барсука шевелюру в пучок, находит чистые джинсы, просторную рубашку, которая скрывает живот, но облегает грудь, и любимые серьги с сине-зелеными камнями, оттеняющими цвет ее глаз.

Элис из тех женщин, кого мужчины часто называют сексуальными. И даже вульгарными. Она никогда не боролась за красоту. Никогда не считала узкое платье и туфли на каблуках подходящим нарядом (хотя когда она наряжается, то смотрится вполне естественно). Обычно Элис не заморачивается насчет своей внешности. Но по какой-то странной причине – не сегодня.

У двери спальни появляется Романа – спутанные светлые кудри, мешковатая пижама. Вместе с Гриффом они крадутся вниз по узкой лестнице с открытыми ступенями, ведущей в коридор. Другие собаки молча приветствуют их, растянув пасти в черногубые улыбки и молотя хвостами по плитке. Элис слегка задерживает дыхание, когда они заходят на кухню, беспокоясь о том, что скрывается за задней дверью, нервничая из-за непредсказуемости грядущего дня. Она наполняет собачьи миски мясом, делает для Романы поджаренный багет с арахисовым маслом, а себе – огромную кружку чая и миску мюсли. И все время поглядывает на заднюю дверь. С сомнением и тревогой.

Но к восьми тридцати, когда Кай и Жасмин уезжают на школьном автобусе, а она выходит из дома с собаками и Романой, его по-прежнему не видно и не слышно. В сарае стоит гробовая тишина, словно там вообще никого нет.

Дерри встречает ее у ворот школы, которые только открывает охранник, и смотрит удивленно.

- Ты рано. И... – она всматривается внимательнее, – на тебе косметика.
- Ерунда, – отмахивается Элис.
- Что происходит?
- Пришел дядя, – поясняет Романа. – Мокрый дядя с пляжа.

Элис закатывает глаза.

– Он не *пришел*, – поправляет Элис. – Я пригласила его сама. Обсохнуть. Принять душ и что-нибудь поесть. Уверена, он уже ушел.

Но сорок минут спустя, когда она возвращается домой, занавески в сарае открыты, и внутри заметно какое-то движение. Старым полотенцем она вытирает с собак пятна грязи, быстро смотрит в зеркало и включает чайник.

* * *

Ночью ему снились удивительные сны. После долгих часов пустоты и отсутствия мыслей в голове окунуться вдруг в мир людей, впечатлений и мест оказалось весьма бодрящим опытом. Он цепляется за тающие обрывки мыслей и воспоминаний, предполагая, что в них может заключаться что-то существенное, какая-нибудь нить, которая поможет ему вернуться к себе. Но они уплывают, и все его попытки тщетны.

Он садится в кровати и с силой растирает лицо. Занавески в комнате из очень тонкой ткани и пропускают утренний свет, идущий снаружи, – ярко-синий после ночного дождя. Он слышит, как в дверь кто-то скребется, выглядывает сквозь занавески в окно и встречается взглядом с темными глазами собаки. Кажется, пес вот-вот улыбнется, но потом его пасть растягивается все сильнее, обнажая зубы и десны, слышится рычание, и он поспешно опускает штору. Ну, он хотя бы может вспомнить, где сейчас находится. Вспомнить чай из термоса, пиццу на кухне, длинноногую женщину с пышной светлой шевелюрой и горячую ванну в заплесневелой, гулкой комнатухе. И еще вспомнить имя *Фрэнк*, которое ему даровала прошлым вечером маленькая девочка с золотыми кудряшками.

Он хочет пойти в туалет, хочет почистить зубы, но собака за дверью сходит с ума, а он вовсе не уверен, что она лает просто ради развлечения. Это... Он тщетно пытается вспомнить название породы. Если вообще когда-нибудь ее знал. Но это собака из тех, кого держат бандиты. Мускулистая и квадратная, с огромной челюстью.

Он открывает занавески и смотрит на собаку. Та начинает лаять еще громче. А потом из маленькой задней двери дома появляется Элис. С сердитым видом она что-то кричит собаке и хватает ее за ошейник; потом видит его лицо и подходит к нему поближе.

– Так и не вспомнил, кто ты такой? – спрашивает она, одной рукой протягивая ему кружку чая, а другой придерживая собаку.

Он берет кружку и отвечает:

– Нет. По-прежнему без понятия. Видел полно странных снов, но ни один не могу вспомнить, – он пожимает плечами и ставит кружку на столик возле двери.

– Ну, – говорит она, – как будешь готов, заходи. Я оставлю дверь открытой. Если ты голодный, могу приготовить завтрак. У меня есть свежие яйца.

Немного позже, когда он наклоняет голову, чтобы пройти в заднюю дверь, в коттедже царит тишина. Детей нет. Элис, уткнувшись в экран гаджета, вздыхает.

– Где все? – интересуется мужчина.

Она смотрит на него, как на дурака, и отвечает:

– В школе.

– Ах да. Конечно.

Она отключает айпад и закрывает его чехлом.

– Как думаешь, у тебя есть дети?

– Боже, – это еще не приходило ему в голову. – Не знаю. Может быть. Может, и не один. Я ведь даже не знаю, сколько мне лет. Как думаешь, сколько мне лет?

Она пристально изучает его лицо накрашенными сине-зелеными глазами.

– Думаю, где-то между тридцатью пятью и сорока пятью.

Он кивает.

– А тебе сколько лет?

– Дамам не принято задавать такие вопросы.

– Прости.

– Все нормально. Я никакая не дама. И мне сорок один.

– А дети. Где их отец?

– *Отцы*, – поправляет она. – Отцы. В создании традиционной семьи для своих детей я потерпела полный провал. Отца Жасмин я встретила на курорте. В Бразилии. Поняла, что беременна, уже дома, спустя две недели, когда отыскать его уже было невозможно. Папа Кая жил со мной по соседству в Брикстоне. У нас был, прости за выражение, дружеский секс. И однажды, когда Каю было примерно пять, он просто исчез. Вместо него заселилась другая семья. Вот и все. А отец Романы был любовью всей моей жизни, но... – она делает паузу. – Он сошел с ума. Сделал дурную вещь. И теперь живет в Австралии. Вот так, – вздыхает она.

Он молчит, пытаюсь подобрать подходящие, не обидные для нее слова.

– Значит, ты никогда не была замужем?

Она сухо смеется.

– Никогда. Мне ни разу не удалось захомутать мужчину.

Он снова молчит, опускает взгляд на свои руки.

– На мне нет обручального кольца.

– Нет. Но это не значит, что ты не женат. Может, ты из тех засранцев, кто отказывается носить кольца.

– Да, – смутно соглашается он. – Может быть.

Она вздыхает и закатывает рукава своей рубашки. Длинные впадины на ее предплечьях о ком-то ему напоминают.

И вот! Моментально, всепоглощающе. Его мать. У его матери такие же впадины. И еще маленькие мешочки морщинистой кожи на кончиках локтей, такие, какие он заметил вчера у Элис. У него есть мать. Мать с руками! Он улыбается и говорит:

– Я кое-что вспомнил! Я только что вспомнил руки моей матери.

– Ого, – откликается она, просияв, – отлично. Можешь вспомнить другие части ее тела?

Он с грустью качает головой.

– Слушай, – говорит она. – Вчера вечером я сидела в гугле, искала твои симптомы. Похоже, если только это все не какой-то прикол, у тебя так называемая «реакция бегства».

– Ясно.

– Это тебе о чем-нибудь говорит?

– Нет.

– Ага, – она проводит рукой по лбу. – Ну, это что-то вроде амнезии, но провоцируется не травмой головы, не алкоголем, не наркотиками, ничем таким. Обычно бывает вызвано эмоциональной травмой. Часто – когда человек видит или вспоминает что-нибудь из прошлого, то, что его сознание вытесняло. Мозг отключается, срабатывает механизм самозащиты, и с людьми происходит то, что случилось с тобой. Они оказываются в каком-нибудь месте, не помня, кто они такие, откуда пришли и какого черта там делают. Вообще, удивительный эффект.

– И что потом происходит с этими людьми? В смысле, мне станет лучше?

– Да, у меня отличные новости. Ну, почти отличные. Они все выздоравливают. Иногда за несколько часов, обычно дней, порой недель. Но это проходит. Память к тебе вернется.

– Ух ты, – говорит он, медленно кивая. Он чувствует, что его тело оцепенело. Хотя знает, что должен быть рад такой новости. Но не так легко рассуждать о возможности вспомнить, кто ты такой, если ты не помнишь, кто ты такой.

– И вот, смотри, – продолжает Элис, – ты только что вспомнил руки матери. Конечно, откровением это не назовешь. Но значит, твои воспоминания по-прежнему на месте, нужно их только разблокировать. Итак, главный вопрос: что теперь?

– В смысле?

Что теперь. Для него эта фраза не имеет никакого значения.

– В смысле, наверное, мы с тобой должны пойти в полицию, разве нет?

Он интуитивно реагирует на это предложение. Все мышцы сокращаются, кулаки крепко сжимаются, дыхание учащается, пульс ускоряется. Это самая бурная реакция из всех, что он испытывал с тех пор, как оказался на пляже две ночи назад.

– Нет, – как можно мягче отвечает он, но слышит... Что это? Злость? Ужас? Он слышит это в собственном тоне. У него ощущение, что он прижимал кого-то, из всех сил прижимал к стене. Он чувствует горячее дыхание на своей щеке.

– Нет, – еще мягче повторяет он. – Я не хочу, я думаю... Можно я останусь здесь на еще одну ночь? Может, память вернется. Может, сходим в другой раз. Если...

Элис кивает, но он чувствует ее сомнение.

– Конечно, – помолчав, отвечает она. – На еще одну ночь. Конечно. Но если ты, черт побери, так и не вспомнишь, кто ты такой, сам понимаешь. Потому что я обычно сдаю ту комнату в аренду, дополнительный доход, так что...

– Я понимаю. Одна ночь.

Она неуверенно улыбается.

– Хорошо. Но пусть они поскорее возвращаются. В смысле, воспоминания.

Она встает и берет коробку яиц, таких свежих, что на них еще остались налипшие перья.

– Глазунью? Болтунью?

– Не знаю. Решай сама.

6

Лили сидит в полицейском участке, в комнате ожидания. Она сжимает пакет с маленьким альбомом свадебных фотографий и паспорт Карла. Больше в его ящиках и коробках она ничего не нашла. Вообще ничего. Ни детских фотографий. Ни свидетельства о рождении. Никаких именных документов. Один ящик был заперт, но она просунула туда руку из-под верхнего и ничего не нащупала. «Странно», – подумала она. Но, видимо, все хранится в доме у его матери. Карл – аккуратный человек и минималист. Логично, что он не захотел захламлять свою красивую новую квартиру бесполезными и ненужными вещами.

В другой руке у нее – бумажный стаканчик кофе. Ей не следовало его покупать – у нее в кошельке тридцать восемь фунтов наличными, и нет доступа к счету в банке. За все платил Карл. Он готовил для нее отдельный счет в банке, собирался класть туда деньги каждый месяц, пока она не закончит учебу. Придется попросить маму прислать денег. Но на это уйдет определенное время. Итак, тридцать восемь фунтов. Ей не следовало покупать большой кофе. Но он ей нужен. Она вообще не спала.

С вежливой улыбкой к ней выходит крупная дама-полицейская по имени Беверли.

– Доброе утро, миссис Монроуз. Пройдемте со мной! Я подыщу комнату, где мы сможем поговорить.

Лили идет за ней по коридору в маленькую комнатку, где пахнет черствым кексом.

– Итак, – говорит сотрудница полиции, когда они обе садятся. – Судя по всему, мистер Монроуз так и не появился?

– Нет. Конечно. Иначе я бы не пришла.

– Это просто фигура речи, миссис Монроуз.

– Да, я понимаю.

Беверли улыбается странной улыбкой.

– Итак, вы хотите подать официальное заявление о пропавшем без вести.

Она щелкает ручкой и переворачивает страницу в блокноте.

– Да. Пожалуйста.

– Вчера я проверила вашего мужа по нашей системе, миссис Монроуз. Ничего. Его нет ни в одной из лондонских больниц и ни в одном из полицейских участков.

Лили кивает.

– Я все-таки обыскала квартиру, – сообщает она. – Пыталась найти что-нибудь полезное. Но, понимаете, квартира совсем новая. Мы только переехали. Думаю, возможно, он оставил все бумаги у матери.

– А вы говорили с его матерью?

– Нет. Я даже не знаю, где она живет. Ее номер был у Карла в телефоне. Он нигде не записан.

– Как ее зовут?

– Мария. Кажется, так.

– Значит, Мария Монроуз? – она ждет подтверждения Лили, прежде чем записать. –

И где она живет?

– Не знаю. Где-то на западе. Место начинается на букву «С».

Беверли корчит гримасу.

– Слау? – предполагает она. – Суиндон?

– Не знаю, – пожимает плечами Лили. – Может быть.

– Хорошо. А остальная семья? Братья? Сестры?

– Есть сестра, зовут Сюзанна. Вроде бы так. Живет там же.

– Она замужем?

– Не знаю. Да. Кажется, да. По-моему, у него есть племянник.

– Значит, возможно, Сюзанна Монроуз. Возможно, нет? – Она записывает.

Лили кладет пакет себе на колени и нащупывает паспорт.

– Вот что я нашла, – говорит она, выкладывая его перед Беверли.

Беверли заглядывает в него и замечает:

– Действительный. Хорошо. Так мы хотя бы можем исключить вероятность, что он уехал.

Лили фыркает:

– Разумеется, он не мог уехать.

Она замечает, что Беверли слегка закатывает глаза и несколько раздраженно вздыхает.

– Мне придется его забрать, – сообщает она, прикоснувшись к паспорту. – Проверить по нашей системе.

– Конечно. И еще вот это, – Лили подталкивает через стол к Беверли альбом. – Эти фотографии лучше той, что у вас. На них он улыбается, и можно понять, что он за человек. И увидеть, что он был счастлив и не собирался от меня убежать.

Она наблюдает, как Беверли пролистывает альбом.

– И это было в..?

– Киеве. Да. Он хотел, чтобы я вышла замуж в родной стране, в окружении семьи и друзей. Чтобы я была счастлива и спокойна. А не напряжена в чужом месте. С чужими людьми. Он – лучший мужчина на свете. Мой друг, мой отец, мой любовник, мой муж. Все, – только сейчас Лили замечает, что прижала к сердцу кулак, а из ее глаз льются слезы. – Извините, – смущается она.

– Не извиняйтесь, – успокаивает Беверли. – Ваши чувства можно понять. Вам есть к кому обратиться? Есть ли родственники в этой стране? Кто может побыть с вами какое-то время и позаботиться о вас?

– Нет. Нет. У меня здесь никого.

– Да уж, – сочувствует Беверли, – очень жаль. Ну, может, вы попросите ненадолго приехать кого-нибудь из родных?

– Да. Может быть.

Позднее, когда она уже поднималась по лестнице в квартиру, Лили переполняет жуткая смесь возбуждения и ужаса. Может, он там, думает она, по другую сторону двери? Сидит в помятой рубашке и галстук, готовый рассказать о своих злоключениях? Но с каждой новой ступенькой в ней растет понимание: его там нет. Она открывает дверь навстречу вакууму одиночества. Тишина пугает. Раньше она никогда не была одна. Никогда. На несколько мгновений она застывает, слегка покачиваясь, словно захваченная врасплох пустотой. Слышно, как в раковину падает капля воды, как гудит холодильник, как открывается и закрывается внизу входная дверь. А потом она подпрыгивает: звонит телефон.

Она бежит к телефону и хватается трубку:

– Да.

– Здравствуйте, это сотрудник полиции Трэвис. Это миссис Монроуз?

– Да. Да, это я.

– Я звоню, потому что... Вообще-то, это довольно странно, но мы проверили по нашей системе паспорт вашего мужа, и, откровенно говоря, миссис Монроуз, технически вашего мужа не существует.

– Простите, что?

– Его паспорт – подделка, миссис Монроуз. Карла Джона Роберта Монроуза на самом деле не существует.

Часть II

7

1993

Каждый год они арендовали один и тот же дом. Обшарпанный коттедж береговой охраны в городке Рэдинхауз-Бэй в Восточном Йоркшире. Кривой и косой, он сравниться не мог с их собственным домом в Кройдоне, современным и чистым, с сияющими белыми ваннами, кремовыми коврами и двойными стеклопакетами.

Коттедж «Рэббит» был сырым и плохо обставленным. Маленькая кухонька, пожелтевшие от никотина стены. Рядом с кухней размещалась маленькая спальня, а на втором этаже – две спальни еще меньшего размера. Матрасы были в буграх, а постельное белье – изношенным и дырявым. Когда шел дождь, вода протекала внутрь дома, и в помещениях стоял очень странный запах: соленый и рыбный, сырой и прокуренный. Но родители Грея и Кирсти были по необъяснимой причине очарованы этим местом. Они твердили что-то про особую атмосферу и местных жителей. Не говоря уж о воздухе, видах, прогулках и рыбе. Они любили это место в детстве: резиновые сапоги, охота на крабов, ярмарки с аттракционами и чипсы. Но теперь Кирсти было пятнадцать, Грею семнадцать, и коттедж «Рэббит» был в буквальном смысле последним местом на земле, где они хотели бы оказаться. Они приехали сюда сырым июльским днем, в дурном настроении после особенно долгой – по их ощущению – поездки по шоссе М1, во время которой Тони, их отец, не позволил им включить свою музыку и, как обычно, переключался с одной местной радиостанции на другую, чтобы быть в курсе дорожных происшествий.

С тех пор как они впервые приехали в Рэдинхауз-Бэй, здесь изменились правила парковки. Тогда можно было припарковаться прямо перед домом и выгружать вещи среди толпы отдыхающих. Теперь же приходилось оставлять машину на парковке на окраине города и идти пешком. И потому им пришлось выгружать картонные коробки, наполненные зерновыми завтраками и молоком с долгим сроком хранения, туалетной бумагой и готовыми супами, и тащиться с этим вверх по холму. Вслед за этой ношей настал черед чемоданов, свернутых полотенец и покрывал. Пока они шли, прошел мелкий летний дождик, и к тому времени, как они разгрузили машину и закрыли за собой дверь коттеджа «Рэббит», от них шел пар, как от тротуаров в Нью-Йорке, и настроение у всех было поганое.

– Боже, – изумился Грей, опуская картонную коробку на кухонный стол и оглядываясь вокруг, – неужели они покрасили коттедж?

Действительно, на стенах больше не было отвратительного налета, и повсюду были развешаны знаки «Курение запрещено» – раньше их не было.

Он затащил свой рюкзак наверх по узкой лестнице и бросил на пустую односпальную кровать. Белье и одеяло лежали в ногах, сложенные в стопку. Окно в его комнате выходило на море. Родители предпочитали заднюю комнату, она была тише – в летнее время на улице бывало довольно шумно. Неподалеку располагались три паба, к тому же каждый год летом приезжала ярмарка паровых машин, и громкие звуки ее фисгармоний разносились по всему побережью при малейшем бризе.

Но Грей был не против шума. Приятное разнообразие после их тихой улицы в Кройдоне, где единственным шумом в это время года было гудение газонокосилок и пчел. Ему нравились пьяные выкрики, эхо и звук шагов по булыжникам в темноте.

Они приехали на две недели. Грей пытался убедить родителей позволить ему вернуться на неделю раньше – он хотел попасть на вечеринку, где должна была быть девушка, которая

ему нравилась. Плюс, судя по прогнозу, погода на юге должна была быть куда лучше. Но они сказали: «Нет». Сказали: «В следующем году, когда тебе исполнится восемнадцать». А Кирсти посмотрела на него обжигающим, молящим взглядом, словно говоря: *«Нет, пожалуйста, не оставляй меня здесь одну»*.

Они были довольно близки, насколько могут быть близки брат и сестра. Она была привязана к нему с детства, прибежала и просила помочь с разбитыми коленками и развязанными шнурками, но оставляла его в покое, если он просил. Они приглядывали друг за другом особым образом, как замкнутые, но благонамеренные соседи. В общем, он согласился на две полные недели, надеясь, что девушка будет еще свободна, когда он вернется.

Внизу отец Грея разжигал камин, а мама раскладывала еду в потрескавшиеся кухонные шкафы. Кирсти лежала на диване, свернув в комок свои долговязые конечности и дешевый трикотаж, и читала журнал. Снаружи по-прежнему накрапывал дождь, но на горизонте, среди облаков, появился вселяющий надежду просвет.

– Пойду погуляю, – сообщил Грей.

– Куда? – спросил папа.

– Просто пройду по променаду.

– В такую погоду? – папа показал на покрытое каплями стекло.

– У меня есть непромокаемая куртка. К тому же, похоже, скоро будет просвет.

– Можно с тобой? – оторвалась от журнала Кирсти.

– Да, конечно.

Она побежала к передней двери, натянула кроссовки и взяла с вешалки дождевик.

– Только не долго, – крикнула с кухни мама, – я заварила чай, будет пирог.

Выбравшись из тесноты коттеджа, Грей почувствовал, как давление в висках спадает, расслабляется челюсть и прохладный дождь освежает уставшее от дороги тело. Его сестра, уже почти одного с ним роста, с длинными ногами и волосами, все еще продолжала расти. Он надеялся, они достаточно похожи, чтобы окружающим было понятно: между ним и этой идущей рядом с ним неуклюжей, неряшливой девчонкой во влажном дождевике, нейлоновой толстовке с узором и мешковатых джинсах не может быть никаких романтических отношений. Она выросла медленно. Кирсти только недавно перестала заплетать волосы в косичку, и пока еще не пользовалась косметикой. Но при этом стала довольно привлекательной, он это видел – как зеленый, наполовину распустившийся цветок, смущающий своей красотой. Он чувствовал, как его поглощает ужасный страх, смесь отвращения и нежности. Отвращение к себе, к своему мужскому началу, ко всем дурным вещам, которые он когда-либо думал про девушек, к своим основным инстинктам, низким побуждениям, хищным потребностям, грязным мыслям, ко всему такому. Отвращение от осознания, что мужчины вроде него теперь будут смотреть на его сестру, думать и чувствовать разные вещи, и на нее даже мастурбировать. И еще он испытывал нежность, потому что Кирсти этого не знала.

Какое-то время они шли молча, Грей погрузился в свои мысли. Дождь закончился и наконец асфальт у них под ногами осветил солнечный луч.

– У тебя есть деньги? – спросила Кирсти.

Обыскав карманы, он извлек фунт и несколько мелких монет.

– Немного. Тебе зачем?

– Конфеты!

Он закатил глаза, но положил монеты в ее поднятую ладонь. Несколько недель назад с ее зубов сняли скобы, и она праздновала это событие, поедая как можно больше жестких жевательных конфет. Сестра отправилась в сувенирный магазин, а Грей остался наблюдать, как над морем светит сквозь облака солнце, меняя цвет с золота на серебро, и море переливается ему в ответ. Впереди виднелась ярмарка паровых машин, совершенно пустая: никто не захотел приходить туда в дождь и сидеть на мокрых сиденьях.

Вернулась Кирсти, протянула ему бумажный пакетик кубиков со вкусом колы и несколько монет. Он взял конфету. Она приложила руку ко лбу, пытаясь защитить глаза от яркого солнца.

– Две недели, – со вздохом сказала она.

– Ага.

– Пойдем посмотрим, не показывают ли чего-нибудь более-менее приличного в кинотеатре?

Грей кивнул и двинулся за ней с побережья в сторону центральной улицы. Кинотеатр находился в сыром одноэтажном здании из шлакобетона. В программе всегда был только один фильм, и туда вмещалась всего сотня человек.

– «Скалолаз», – прочитал Грей висящий на здании плакат. – Черт подери. Я уже видел.

Кирсти пожала плечами:

– А я нет.

– Я не хочу смотреть это еще раз. И дело не в том, что я знаю конец.

Грей подошел поближе, пытаясь увидеть, поменяется ли программа в ближайшие две недели. У него за спиной стояла сестра и сосала конфету, спрятав руку в карман дождевика и совершенно не замечая молодого человека, который резко остановился на другой стороне улицы, привлеченный ее длинными ногами и каштановыми волосами, которые мягкими волнами обрамляли лицо, подчеркивая высокие скулы и узкие карие глаза, прелестные губы, сосущие конфету, спокойный, безмятежный и мягкий взгляд.

Он продолжал пялиться на Кирсти, когда она направилась вслед за Греем по центральной улице. К тому моменту, как они повернули за угол, он успел оценить ее с головы до ног. Большие, немного косолапые ступни. Грудь, больше чем можно было ожидать, спрятанная под бесформенную толстовку. Лицо без косметики, естественное, в отличие от многих девушек ее возраста. Без сережек. Бумажный пакет с конфетами. Неуклюжая походка, которой она шла за тем парнем (видимо, братом. Они похожи внешне, и, судя по всему, у них нет физической близости).

Кирсти и Грей шли своей дорогой, и он раздумывал, не отправиться ли следом, но в таком маленьком городке их пути все равно еще пересекутся – и он пошел прямо, улыбаясь уголками рта, словно наслаждаясь шуткой, которую сам же придумал.

8

Элис сидит в своей комнате на втором этаже, и ее не покидает странное чувство. Весь вчерашний день она не могла отвязаться от мысли, что незнакомец сидел на пляже под дождем. Теперь она постоянно думает, что он в ее сарае. Его присутствие ей приятно, но все же нервирует ее. Его пустота. Все пробелы и скобки. Но главным образом – мужественность. Недостаток информации о его личности каким-то образом очистил Фрэнка, создав эссенцию неразбавленной сексуальности. Его половая принадлежность не вызывает сомнений, а Элис... Ну, у Элис давно, очень давно не было секса, хотя она его очень любит. Вся ее жизнь была определена – и фактически уничтожена – сексуальными желаниями.

Она надевает очки для чтения и кладет карту Сен-Тропе под настольную лампу. Она уже набросала очертания розовых лепестков и теперь медленно, тщательно прореживает их скальпелем. Мысли о Сен-Тропе, о шезлонгах и охлажденном шампанском у бассейна, официантках в белых фартуках и загорелых мужчинах в плавках волнуют ее. Она почти слышит гомон приглушенных бесед, чувствует руки какого-то неизвестного любовника, втирающего крем в ее плечи, и вскоре эти анонимные руки становятся руками мужчины из сарая, Элис вспоминает, как они с легкостью разрезали толстый кусок фермерского тоста, который она ему сделала. Хорошие руки. Хорошие запястья. Потом она вспоминает его фигуру, чистую и сухую, в толстовке Кая, – оказалось, что у него впечатляющая фигура. Не слишком высокий, выше ее всего на несколько сантиметров, но крепкий. Без слабых мест. И его ореховые глаза, мягкие от неловкости и смущения.

Да, он казался смущенным... Но кроме того момента, когда она предложила отправиться в полицейский участок. Тогда он резко изменился. Волна страха и злости, ушедшая прежде, чем она успела что-то проанализировать, оставив ее в сомнениях, что это было на самом деле.

Она гонит прочь мысли о нем. Мужчины больше не входят в ее планы. Теперь ее приоритет – дети. Дети и работа. Она вырезает из карты лепестки и выкладывает их рядом друг с другом. Названия улиц наводят на мысли о пальмах, кабриолетах, отелях с полосатыми тентами и парковщиками-портье. Но она не должна завидовать. Здесь у нее есть столько всего! Даже пальмы на другой стороне залива. Целых две.

Звон медного колокольчика над дверью заставляет ее оторваться от своих мыслей. Он сопровождается клацаньем собачьих когтей по деревянным ступеням и буйным лаем. Элис перевешивается через стол, смотрит вниз и видит знакомый, покрашенный хной затылок Дерри Дайнз.

– Уже иду! – кричит Элис. Ей приходится с силой оттолкнуть собак от передней двери, чтобы добраться до ручки, и сдерживать их, чтобы они не сбили Дерри с ног.

– Привет, подруга. Чем обязана?

Дерри всматривается за плечо Элис с не слишком дружелюбным видом.

– Я встретила Жасмин, – сообщает она. – Она сказала, что этот человек с пляжа у вас дома.

Элис вздыхает и заправляет за ухо прядь волос. Она сердится на себя, что не предупредила детей держать пребывание в их доме Фрэнка в секрете. Она не против, что Дерри в курсе, но если узнает кто-нибудь другой...

– Не дома, – отрезает Элис. – Он в сарае.

Она распахивает дверь и придерживает собак, чтобы Дерри смогла войти.

– С ума сошла, – ворчит Дерри, проходя через гостиную и осматриваясь. – Жасмин сказала, он потерял память.

Убедившись, что там никого нет, она с довольным видом направляется в кухню.

Элис со вздохом плетется вслед за ней.

– Все не так плохо, как кажется.

– Я же говорила тебе, не лезть в это дело, – напоминает Дерри. – И ты пообещала, что не будешь, – она выглядывает в окно, выходящее на задний дворик и на сарай. – Господи, Эл, а если узнают в школе? Если... – она осекается и вздыхает. – Хватит. Вспомни прошлый год, Эл. Сколько можно приводить домой странных типов?

Элис прекрасно знает, о чем говорит Дерри, но совершенно не хочет этого слышать.

– Я же сказала. Он не дома. Он в сарае. И прошлой ночью мы заперли заднюю дверь на два замка.

– Дело не в этом. Вся история звучит сомнительно. Потеря памяти. Напоминает какую-то аферу.

Элис раздраженно цокает языком.

– Я тебя умоляю. Никакая это не афера. Вечно тебе мерещатся заговоры.

– Он сейчас там? – спрашивает Дерри, доставая из шкафа две кружки и включая чайник.

– Думаю, да. Не слышала, чтобы он уходил.

– Пригласи его сюда, – требует Дерри, опуская пакетик зеленого чая в свою кружку и «Эрл грей» – в кружку Элис.

Элис не двигается.

– Давай. Скажи, что мы поставили чайник.

– Ты ведь знаешь, что мне надо работать?

– Успеешь. Поработаешь потом. Это ненадолго.

Элис не спорит. Основа их дружбы с Дерри состоит в том, что Дерри всегда права.

Прежде чем открыть заднюю дверь, она проверяет, в порядке ли прическа. Прикладывает руку ко рту, выдыхает и морщится. Пахнет чаем. Шторы в сарае открыты, и она тихонько стучится в дверь.

– Фрэнк, – говорит она, – это я, Элис. Решила сделать перерыв в работе, может, хочешь выпить чашечку чая?

Никто не отвечает. Она стучит снова.

– Фрэнк?

Элис приоткрывает дверь и заглядывает в щелочку. Кровать убрана, толстовка и штаны. Кая аккуратно сложены и лежат в ногах. Комната пуста.

– Ну, – говорит она Дерри несколько секунд спустя, – похоже, больше ты можешь не волноваться. Он ушел.

– Совсем ушел?

– Не знаю.

Элис оглядывает кухню и замечает в сушилке для посуды кружку, из которой он пил чай. Она высматривает какую-нибудь записку, но ничего нет. Ее охватывает грусть и тяжелое разочарование. А потом приходит беспокойство, жгучая тревога и страх. Она вспоминает его ореховые глаза, густые и курчавые волосы, его уязвимость. И не может представить его неизвестно где, в полном одиночестве. Просто не может.

– Ну, – говорит Дерри, – будем надеяться. Он тебе совершенно ни к чему.

– Да, наверное, – отвечает Элис.

Он чувствует себя словно на конвейере, влекомым куда-то внешними силами. Пыльным мешком, который кто-то тащит по улице. Видит впереди скамейку и направляется к ней, чуть не столкнувшись с велосипедисткой, везущей целую корзину овощей. Она странно на него смотрит, и он подозревает, что выглядит также безумно, как себя чувствует.

После завтрака, когда он лежал на кровати в сарае Элис, его посетили не то чтобы воспоминания, но сильные эмоции, вроде тех, что возникли, когда Элис предложила обратиться в полицию. Жуткие темные волны обреченности. Чувство, что где-то что-то сильно поломалось и он никак не может это починить. Но помимо этого, были и вспышки яркой белизны, словно отражение солнца в проезжающей мимо машине, моментально ослепляющее и сбивающее с толку, а за вспышками следовали картинки, он знал – это кусочки пазла, их нужно только правильно сложить.

Он должен идти дальше. Найти то, что привело его в этот северный приморский городок. Но, поднявшись на ноги, он чувствует очередную белую вспышку и снова валится на скамейку. Из всех сил сжимает веки, отчаянно пытаясь найти края спрятанной в сознании картинки. И наконец видит. Полосатый шест карусели, раскрашенная в пастельные оттенки лошадка, девушка с каштановыми волосами – она то поднимается, то опускается, с улыбкой машет рукой и, наконец, исчезает.

Он радуется яркости картины, после стольких часов пустоты.

– Черт! – говорит он сам себе. – Черт побори!

Вскакивает со скамейки, охваченный желанием подойти к побережью, перейдя дорогу. Смотрит на полумесяц пляжа, пустынный этим прохладным апрельским днем, и пытается найти в этом пейзаже что-нибудь, перекликающееся с моментом, который он вспомнил. Но в голову ничего не приходит, и он направляется к ступеням, ведущим на пляж. Проводит рукой по крашеным металлическим перилам – несколько кусочков краски отваливается под его ладонью. Он осторожно ступает по песку, вдыхая запах рыбной требухи и соли. Бывал ли он здесь раньше? Возможно ли такое? И если да, то почему? И когда? И кто эта девушка на карусели, улыбающаяся, красивая девушка, увлеченная происходящим, но не замечающая его взгляда?

При мысли о девушке его снова охватывает обреченность. Тело словно перестает ему принадлежать и отрыгивает яйца и тост, которые приготовила для него Элис. Его охватывает слабость и начинает трясти. Он возвращается на место, выбранное в первые несколько часов пребывания в Рэдинхауз-Бэй, и снова сидит на пляже, глядя на воду, словно ожидая, что океан ему что-нибудь подскажет.

9

1993

За сырым началом отпуска последовали три теплых солнечных дня. А если день солнечный, значит, он проходит на пляже. За коттеджем «Рэббит» пляж был узким и каменистым, полным сияющих луж и рыбацких лодок. В детстве они любили проводить там дни, лазая по илистым камням в пластиковых туфлях и зюйдвестках. Но теперь, повзрослев, они предпочитали собрать полотенца, крем от солнца, ширму от ветра и раскладные стулья и пройти полкилометра через город до более широкого песчаного пляжа за центральной улицей. Здесь было вырубленное в скалах кафе, где продавали фастфуд, мороженое и пиво в пластиковых стаканчиках. А еще здесь были душевые кабины и разные развлечения для маленьких детей. На пляже всегда дежурил спасатель. Конечно, ничего особенного, но для маленького городка вроде Рэдинхауз-Бэй – очень даже ничего. И потому они отправились туда утром во вторник, хотя для купания было еще прохладно. На Тони были джинсовые шорты и расстегнутая рубашка с коротким рукавом, на Пэм – бриджи и мешковатая футболка с нарисованной собачкой, на Грее – шорты для серфинга с гавайским принтом, а на Кирсти – черный купальник-бикини с завязками на шее и джинсовая юбка. И они встретили его. Того типа. Грей не мог думать о нем как о «парне». На вид ему было лет восемнадцать. Но в отличие от Грея он не был обременен семьей.

Он был там и в воскресенье, и вчера: лежал один, растянувшись на белом полотенце в черных шортах, в темных очках, с книжкой и плеером. Периодически он поднимался, обхватывал ноги руками и угрюмо смотрел на море. Он сидел так близко, что Грей мог разглядеть на его спине отпечатки от полотенца, почувствовать в каждом дуновении бриза аромат его лосьона после бритья и услышать жесткий бит «Сайпресс-Хилл» в его наушниках. Он вторгся в их личное пространство всего на несколько сантиметров, но Грей чувствовал его всеми фибрами своего существа.

Теперь парень встал к ним спиной, нарочито потянулся, поработав по очереди каждым набором хорошо накачанных мышц. Потом, изображая безразличие, потер щетину на подбородке, словно он один обладает достаточным количеством тестостерона для того, чтобы отрастить такие густые волосы на подбородке. Он медленно прошел мимо них и направился к пляжному кафе, где заказал маленькое пиво и выпил его залпом, положив локоть на стойку и беззастенчиво пялясь на Кирсти.

– Я смотрю, твой поклонник снова здесь, – заметил Тони, высунувшись из-за газеты.

Кирсти пожала плечами и опустила взгляд.

– Он не мой поклонник, – робко пролепетала она.

Тони только ухмыльнулся и снова уткнулся в газету.

– Он очень симпатичный, Кирст, – заметила Пэм, и Кирсти яростно на нее зашипела.

– Он не слышит, – заверила Пэм. – Он далеко, в баре.

– По-моему, какой-то урод, – заявил Грей.

Пэм посмотрела на него с осуждением.

– Вовсе не обязательно воспринимать все так серьезно, Грэхем.

– Я и не воспринимаю ничего серьезно. Просто выражаю свое мнение. Мне кажется, что он урод. Вот и все.

Краешком глаза Грей наблюдал, как он сжимает в кулаке пустой стаканчик из-под пива и бросает его в урну, словно в очередной раз демонстрируя повышенный уровень мужских гормонов. Он был симпатичным, это Грей признавал. Симпатичным и спортивным. Старше Грея всего на год или около того, но куда более зрелый и физически вполне сформировавшийся. Но его мотивы были для Грея загадкой. Почему Кирсти? На пляже было полно деву-

шек-красоток, подходящих ему, – в настоящих бикини, с крашеными волосами, большими сережками и розовой помадой. Девушек, которые не сидели с мамой, папой и старшим братом и не ели моллюсков зубочисткой из пластикового стаканчика.

Парень медленно вернулся к своему белому полотенцу, пройдя в нескольких сантиметрах от Кирсти, и Грею пришлось побороть желание подставить ему подножку и ударить его. На самом деле, размышление над этим сценарием принесло ему такое удовольствие, что он прокрутил его в голове несколько раз и наконец не удержался от смешка.

– Что такое? – спросила Кирсти.

– Да ничего.

И нет, Грей не завидовал. С чего бы Грею завидовать? Грей был высоким, по-мальчишески довольно симпатичным и стройным. Девушки говорили ему, что он милый. Вообще-то, девушки ему много что говорили. В основном о других парнях, но дело не в этом. Дело в том, что они ему доверяли. Девушкам нравился Грей, а Грею нравились девушки. Возможно, иногда нравились не в том смысле, в каком они думали. Возможно, иногда в немного более порочном смысле, ночью, в одиночку под одеялом. Но все равно – он был уверен, что этот парень не смог бы нормально поговорить с девушкой, даже если бы от этого зависела его жизнь. Грей сомневался, что он вообще умеет разговаривать.

И в тот самый момент, когда в голове Грея пронеслась эта мысль, парень повернулся, посмотрел на него, посмотрел на Кирсти, посмотрел на их родителей и спросил голосом из фильмов о Джеймсе Бонде:

– Хорошо, когда светит солнце, правда?

Все члены семьи, как перепуганные животные, повернулись на это неожиданное начало беседы. Их мама положила руку на ключицу и сказала голосом, которого Грей прежде никогда не слышал:

– Конечно, правда.

Он заметил, как Кирсти бросила на их маму убийственный взгляд и опустила глаза, густо покраснев.

– Вы здесь на каникулах? – задал он дурацкий вопрос.

Тони кивнул.

– Мы из Суррея, – он всегда говорил так в тех случаях, когда не хотел упоминать Кройдон. – А ты?

– Харрогейт. Я приехал сюда с тетей. У нее недавно умер муж, и она не хотела ехать одна.

– Ой, – охнула Пэм, – очень жаль твою тетю. Ты молодец. Не каждый молодой человек согласился бы пожертвовать каникулами ради родственницы.

– Ну, она хороший человек. И очень меня поддерживала. Плюс ко всему, у нее потрясающий дом, – он улыбнулся и показал на другую сторону залива, где по мере продвижения его пальца дома становились все больше и больше, пока он не остановился на величественном особняке: светлые стены, высокие окна, и все это в окружении тополей и тисов.

– Ого! – восхитилась Пэм. – Нам всегда было любопытно, кто там живет – да, Тони?

Тони кивнул.

– Мы думали, может, кто-то из членов королевской семьи.

– Вовсе нет. Мой дядя сделал состояние на свиноводстве. В основном на беконе, – он улыбнулся. – И это только их летний дом. Видели бы вы, где они живут в другое время!

Родители Грея впечатленно закивали.

– Ой, – парень приблизился к ним и протянул руку. – Кстати, меня зовут Марк. Марк Тейт.

– Приятно познакомиться, Марк, – с легким хрипом произнес Тони, приподнявшись со своего шезлонга, чтобы дотянуться до руки Марка. – Я Энтони Росс – Тони. Это Пэм, моя жена, Грэхем, мой сын, и Кирсти, моя дочь.

– Грей, – пробормотал Грей. – Не Грэхем. Грей.

Но парень по имени Марк не слушал его. Он не сводил взгляда с Кирсти с улыбкой на лице, которая, по мнению Грея, подозрительно напоминала победную. Словно его «спонтанная» беседа с их семьей была не простым эпизодом дружелюбного общения, а первым блестящим ходом намного более серьезного плана.

Он наблюдал, как родители оживленно беседуют с молодым человеком, как будто это – принц Чарльз на официальном визите, а не незнакомец с надменным голосом, у которого нет абсолютно никаких причин с ними общаться. А потом он посмотрел на Кирсти. Она – и это действительно было единственным словом, которым Грей мог описать происходящее, – расцветала. Прямо у него на глазах. Пристальное внимание этого мужчины заставляло ее выплеснуться наружу, раскрыться. Ее глаза блестели. Она просто сияла.

– Знаете что, – сказал Марк, – вам нужно прогуляться до нашего дома. Посмотреть. Тетя приготовит пирог.

– Что ты, мы не можем ее беспокоить, когда у нее такое горе, – сказала Пэм.

– Нет-нет, она будет рада. Честно. Она очень общительный человек, и ей там одиноко. Собственно, почему бы вам не зайти сегодня? Приходите к четверем.

Что? Грей не поверил собственным ушам. *Что?*

Его родители улыбались и говорили вещи вроде: «Ну, если твоя тетя действительно не против» и «А что нам принести?».

И вот план удался.

Грей поверить не мог.

Марк надел чистую футболку и шорты, с военной четкостью свернул полотенце и убрал в сумку. Прежде чем уйти, он повернулся к ним, слегка поклонился и уточнил:

– В четыре? Да?

Родители Грея отчаянно закивали и сказали:

– Да-да, спасибо.

И он ушел.

– Да уж, – прокомментировала Пэм, – неожиданный поворот.

– Это точно, – согласился Тони. – Но похоже, мы получим бесплатный чай.

Грей сидел, сжав челюсть, и думал о том, что бесплатного чая не бывает, и за него непременно придется заплатить какую-то цену, но его родители слишком глупы, чтобы это понять.

10

Мама переводит Лили сто долларов. Она использует часть денег на билет на поезд до Лондона в пятницу днем, чтобы зайти в офис Карла и попытаться отыскать его следы. Она впервые едет в Лондон одна. Автомат по продаже билетов приводит ее в замешательство: как все это работает? Она отстает небольшая очередь в кассу.

– Здравствуйте, – говорит она, подойдя к окошку, – мне нужно в Лондон. Вы можете помочь?

Мужчина серьезно смотрит на нее.

– Туда и обратно?

– Да, – отвечает она. – Я вернусь. Попозже.

Теперь мужчина улыбается, и она понимает, что сморозила глупость.

Он берет у нее купюру в двадцать фунтов, распечатывает два билета, дает их ей вместе со сдачей и говорит:

– Третья платформа. Через семь минут.

Она забирает билеты и деньги и отвечает:

– Хорошо, спасибо.

В поезде она наблюдает, как снаружи мелькают картины ее нового мира: зеленые и желтые поля, задворки промышленных кварталов, ряды домов из красного кирпича с одинаковыми детскими игрушками на узких клочках газонов. Этот мир ей незнаком. Она знает только Карла. Она прикрывает рот костяшками пальцев, чтобы сдержать горестный всхлип. Плакать нельзя. Только не здесь, не в поезде с чужими людьми. Она смотрит в окно решительным взглядом – твердым, как сталь.

Она уже бывала в офисе у Карла. Это было во время одного из уик-эндов, проведенных в Лондоне, – до того как они поженились. Они остановились в отеле в Вест-Энде и ужинали в ресторане над Лондоном, с потрясающим видом на столицу. Он спросил: «Хочешь посмотреть, где я работаю?», а она пожала плечами и ответила: «Ну давай».

Это невысокое, симметричное здание, с фасадом из черного стекла и матовой стали. Посередине – большая электронная вращающаяся дверь, а за ней – отделанное хромом и черным цветом фойе со стальным фонтаном на задней стене. Она смотрит на часы. Четыре часа сорок минут. Через двадцать минут наступит время, когда Карл уходил с работы. Она подождет здесь и поиграет в телефоне.

Без пяти пять она представляет, как Карл выключает компьютер, берет со спинки стула пиджак, щелкает металлическими застежками на портфеле, прощается с коллегами (прощается ли? Говорит ли Карл «до свидания»? Может, и нет. Карл не из тех, кто будет выкрикивать «до свидания». Может, просто поднимает руку. Или бросает «до завтра»). Представляет, как он ждет лифт, смотрит на телефон, поправляет прическу. Мысленно считает до двадцати и представляет, как он заходит в лифт, как раздаются тихие сигналы – *динь-динь*, – когда они проезжают этаж, как он выходит в фойе, проходит через вращающиеся двери, и тогда она встает и начинает двигаться. Виктория совсем рядом, всего в двух минутах. Она находит в расписании поезд Карла, на 5:06 в Восточный Гринстед, и спешит на четвертую платформу. По дороге Лили всматривается в лица людей, идущих тем же путем. Знакомы ли они с Карлом? Узнают ли его? Один и тот же поезд, одно и то же время, каждый день?

Она заходит в поезд и садится. Напротив нее сидит мужчина. Она делает вдох и нащупывает в сумке фотографию Карла.

– Простите, – начинает она, и голос ее звучит жестче, чем она хотела, – вы не могли бы помочь?

Мужчина смотрит на нее с нескрываемым подозрением, и она понимает: он думает, что сейчас она попросит денег.

– Это мой муж, – она придвигает к нему по столу фотографию, – он ездил на этом поезде каждый день, а теперь исчез.

Мужчина немного отстраняется. Он по-прежнему думает, что она собирается просить денег. Она сдерживает желание ему нахамить.

– Он пропал без вести, – продолжает она. – Официально. Полиция в курсе.

Он поднимает одну бровь и выдавливает:

– Я-ясно.

– Вы его не узнаете? – сурово спрашивает она.

Он смотрит на фотографию и качает головой:

– Никогда раньше не видел.

– Спасибо. – Лили берет фотографию и запихивает в сумочку. Ее лицо пылает, и она чувствует, как на ключицах от гнева проступают пятна. Она проходит на следующее свободное сиденье и оказывается в компании трех подвыпивших друзей, от которых разит пивом и сигаретами. Наверное, к ним обращаться не стоит: они разговаривают очень громко и быстро, и к тому же они ездят явно нерегулярно, а ей нужны постоянные пассажиры. Справа от нее – мужчина в костюме. Она достает фотографию и задерживает дыхание.

– Простите, – начинает Лили и говорит быстро, чтобы не дать ему времени на преждевременные выводы, – у меня пропал муж. Он ездил на этом поезде каждый вечер. Вы его не узнаете?

Мужчина достает из кармана пиджака очки, берет фотографию, рассматривает ее и отдает обратно.

– Боюсь, что нет, – у него мягкий, глубокий, спокойный голос. Лили сразу расслабляется. Она благодарит его с теплой улыбкой и продолжает свой путь из вагона в вагон, от пассажира к пассажиру, и ее уверенность растет с каждым разговором. Оказывается, в большинстве своем люди добры, а улыбка очень располагает британцев. Хотя Лили не свойственно улыбаться без повода. Улыбки – для друзей, детей, для шуток и семьи. А не для незнакомцев на поездах. Но она не перестает улыбаться, и вскоре поезд прибывает в Окстед – к тому моменту она успевает опросить минимум тридцать человек, и минимум тридцать человек отвечают: «К сожалению, нет». Некоторые даже задают вопросы: «А как его зовут?», «Когда он пропал?», «Искренне желаю вам удачи».

У турникетов она ищет последнего человека, который мог увидеть, как выходит со станции Карл. Контролера. Но контролера нигде нет, только турникеты. Лили вздыхает. Он возлагала на этого человека последние надежды. Потом она начинает долгий путь домой. Он пролегает мимо нескольких магазинов, и, воодушевившись приветливыми людьми с поезда, она заходит внутрь, улыбается, показывает фотографию, задает вопрос. Продавец пивной лавки узнает Карла, говорит, что тот иногда заходил за бутылкой вина.

– Симпатичный парень, – замечает он.

Лили кивает:

– Да.

Когда магазины заканчиваются, она пересекает центральную улицу, проходит по маленьким улочкам с красными домами, пересекающимся сложным образом – слева направо, слева направо, – и выходит на еще одну главную улицу, где находятся супермаркет и сетевые магазины, куда она иногда выходит пообедать, если в квартире становится совсем одиноко, где она иногда сидит в «Старбаксе» и читает газету, чтобы было о чем поговорить с Карлом, когда он вернется домой. Последний отрезок пути – самый тихий. Широко расставленные маленькие домики, которые, как говорит Карл, называются бунгало, и подъездные дорожки. Ни магазинов, ни людей. А потом – короткая часть дороги, где строится очередной

новый квартал. Судя по большому щиту, висящему снаружи, он будет называться «Бульвар Вульфс Хилл». Карл смеется каждый раз, когда его видит: «Бульвар в Окстедде. Что за чушь».

Лили ненадолго останавливается и смотрит на квартал. Там никого нет. И она никого не видела там с тех пор, как сюда приехала. Строительство первых домов уже закончено. Они застеклены и отделаны. Строители перешли на второй блок, там – лишь голый скелет из балок и листов пластика. Солнце зашло, вечернее небо окрасилось в бархатно-синий цвет, мимо нее проезжают машины, освещая пространство золотыми вспышками. Она одна на этой дороге. Лили почему-то становится не по себе. Она снова смотрит на новый квартал и видит мерцающий огонек в окне первого этажа.

Она отворачивается и идет домой. Этот огонек почему-то ее тревожит. Она расскажет о нем полной даме-полицейской. Может, это что-то важное, а может, нет. Но больше ей пока рассказать не о чем.

Она звонит полицейской, как только заходит домой.

– Алло, миссис Трэвис?

– Полицейская Трэвис.

– Да. Простите. Полицейская Трэвис. Это миссис Монроуз. Жена Карла Монроуза.

– Я поняла. Похоже, вы читаете мои мысли. Я как раз собиралась вам звонить. Нам нужен компьютер вашего мужа. Похоже, он заказал свой паспорт нелегально, через Интернет. Мы хотим проверить историю его браузера и почту.

– Я не понимаю, о чем вы.

На другом конце провода сотрудница полиции выдерживает красноречивую паузу, намекая, что она считает Лили недалекой занудой.

– Такие паспорта делаются на заказ и стоят очень дорого, их заказывают в самых темных и глубоких уголках Интернета. Вашему мужу пришлось общаться с весьма гнусными людьми. И, вероятно, довольно долгое время. Нам нужно найти этих людей. И в этом нам поможет компьютер вашего мужа.

– Но чем это поможет в поисках моего мужа?

Снова красноречивая пауза.

– Ну, это, конечно, не прямая нить, но, возможно, они что-нибудь знают. Может даже, они имеют отношение к его исчезновению. Например, он должен им деньги или пригрозил их выдать.

Лили снова вспоминает мерцающий огонек в окне новостройки. Ее бросает в холод, потом в жар. *Бандиты. Преступники.* Такого ей и в голову не приходило.

– Знаете, – говорит она, – возможно, это не важно, но вечером я заметила свет в новом здании, построенном рядом с нами. Всего один огонек. В одном-единственном окне. Хотя там никто не живет. И я подумала...

Она умолкает. Что она подумала? Она сама не знает. Ей было жутковато. Вот и все. Жутковато и холодно.

– Даже не знаю, – продолжает она. – Это показалось мне странным.

– Ясно, – отвечает Беверли и снова резко переходит на интересующую ее тему. – Вы сейчас дома? Я могу приехать? Забрать компьютер?

– Да. Конечно. Только у меня нет его пароля.

– Для этого у нас есть специалисты. Не проблема.

– Ну, тогда хорошо. Когда вы приедете, может, мы сходим на стройку? Проверим ту квартиру? Со светом?

– Не уверена, что смогу найти время. Но постараюсь.

Беверли приезжает с молодым человеком в штатской одежде и в больших очках. Он проводит невероятно много времени в свободной спальне, где стоит компьютер, а взволно-

ванная Лили тем временем сидит на краю кровати, обхватив локти и уставившись на часы на стене.

– Что он там делает? – спрашивает она у Беверли.

– Всего лишь формальная процедура. Мы не можем просто его отсоединить.

Лили кивает. Проходит еще несколько минут. Она слышит, как открываются и закрываются ящики. Потом сотрудник появляется в дверях и спрашивает у Лили:

– У вас есть ключ? К нижнему ящику стола?

– Нет, – отвечает она. – Я искала его два дня. Думаю, он на связке ключей Карла.

– Вы не против, если я его вскрыю? Проверю, нет ли чего внутри? Карт памяти или вроде того?

Лили напрягается. Она представляет, как Карл заходит в квартиру и видит огромную грязную дыру в своем новом шкафу из ИКЕА. Но потом вспоминает: Карл ее обманывал. Она даже не знает его настоящего имени. Он держал запертый ящик в их общем доме. Брал ключ с собой на работу. На это должна быть причина.

– Да, – отвечает она. – Хорошо. Но, пожалуйста, поаккуратнее.

Молодой человек улыбается и возвращается в комнату. Через десять секунд она слышит высокий вой дрели. Молодой человек появляется опять, с визитницей в руках.

– Ну, – весело говорит он, словно в ситуации нет ничего необычного, – все готово. Вы закончили?..

Он смотрит на листок бумаги, который выдал ей раньше, с персональными вопросами: памятные даты, имена домашних питомцев, имена родителей, прозвища, памятные места.

– Да, – она пододвигает листок к нему, и он вкладывает его в визитницу.

– Прекрасно, – говорит он и обращается к Беверли: – Готово.

Она медленно встает.

Они вместе идут к двери, и Беверли произносит:

– До связи.

Никаких упоминаний о квартире с мерцающим огоньком.

После их ухода Лили на какое-то время замирает на месте. Она оглядывает квартиру, как делала сотню раз с тех пор, как Карл не вернулся домой во вторник вечером. Сначала она замечала лишь его отсутствие. Но теперь – видит его обман. Она медленно идет в свободную спальню и опускается на колени, чтобы изучить содержимое закрытого ящика.

11

– Ой, – говорит Элис, – ты вернулся.

На часах почти десять вечера, и он стоит на пороге в куртке Барри, подсвеченный облаком белого света, с видом самого усталого человека на свете. Его не было тридцать шесть часов.

– Да, – говорит он. – Если ты не против.

– А разве у меня есть выбор? Где ты был? – спрашивает Элис.

– На пляже.

– Все это время?

– Да, ну, большую часть. Я спал там прошлой ночью.

– Чем тебя так привлекает этот пляж? Я думала, к тебе вернулась память и ты уехал домой.

– Ну, кое-что есть, – он тоскливо смотрит ей за плечо. – Я кое-что вспомнил. Кое-что важное.

Он снова бросает тоскливый взгляд, она сдается и распахивает перед ним дверь, чтобы он мог войти. Достает две банки пива, и они рядышком усаживаются на диван, Сэди устраивается в ногах, Хиро – у Элис на коленях, Грифф – тактично соблюдает дистанцию.

– Дети спят? – спрашивает мужчина.

– Маленькая да, остальные пелятся в экраны.

В этот момент ее телефон издает какой-то звук. Жасмин зашла через телефон Элис в свой Инстаграм. Где-то кому-то понравилось то, что Жасмин туда выложила. Значит, телефон Элис продолжит трещать ближайшие десять минут, пока все знакомые Жасмин не оценят ее публикацию. Элис представляет море безличных пальцев, хладнокровно тыкающих в сердечки. Она вздыхает.

– Что это? – спрашивает Фрэнк, глядя на айпад.

– Гостиная моих родителей. В Лондоне.

Он кивает. Словно понял, о чем речь.

– У них у обоих старческое слабоумие, – поясняет она. – К ним приходят сиделки, но никто не присматривает за ними круглосуточно. Но, поверь, за ними нужно приглядывать. У моей сестры такое же приложение. Мы с ней надеемся, что так сможем продержат их дома подольше. Потому что альтернатива... Просто невысказанно.

Она натянуто улыбается, до сих пор не в состоянии поверить, что меньше двух лет назад ее родители планировали путешествие к Великой Китайской стене, а теперь ни один из них не в состоянии распланировать даже поход до ванной.

– У меня очень странная жизнь, – говорит Элис.

– У меня тоже, – отвечает он, и оба смеются.

Она не ожидала, что испытает такое облегчение, когда увидит его на пороге своего дома. Она очень старалась быть жесткой, но на самом деле боролась с искушением заключить его в объятия и сказать: «*Слава богу, ты вернулся*». А теперь она благоразумна и невозмутима, потому что это – ее обычный подход к жизни, что иногда не исключает заключение окружающих людей в объятия.

– Итак, что ты делал?

Фрэнк улыбается и вертит в руках банку пива.

– Я предположил, что приехал в этот город не просто так. Понимаешь, я ведь купил билет. Дошел до пляжа. Это не может быть случайностью. И я подумал, может, прогулка по окрестностям пробудит что-нибудь в моей памяти.

– И как?

– Да! – его ореховые глаза загораются. – Я вспомнил девушку на карусели! Такой старомодной, с лошадками, прыгающими вверх и вниз? – он с сомнением смотрит на нее, словно неуверен в собственных словах, и Элис ободряюще кивает.

– Паровая ярмарка. Приезжает сюда каждое лето.

– Да! – он выглядит довольным. – Значит, это может быть правдой?

– Да. Вполне. А кто эта девушка?

– Не знаю. Но у нее каштановые волосы, и она очень молодая, я бы сказал – подросток.

– Нет никаких предположений, кто это может быть?

– Нет, но произошла странная вещь. Я спустился к пляжу возле центральной улицы, потому что был уверен, что видел девушку на карусели именно там...

– Она проходит именно там.

Он улыбается.

– Ярмарка?

– Да, на пляже, у центральной улицы! И что случилось, когда ты туда спустился?

– Меня вырвало.

– Что, буквально?

– Да. Совершенно неожиданно. А потом я опять не мог двигаться. Как в среду. Я сел и смотрел на море, на мое сознание снова опустился мрак, люди приходили и уходили, но я словно отключился ото всего. А потом, буквально недавно, когда стемнело, я вспомнил кое-что еще. Я вспомнил... – у него трясутся руки, – как человек прыгнул в море, здесь. Это точно случилось здесь. Было темно, я видел на воде лунный свет, человек плыл и плыл, и я должен был плыть за ним, но не мог, потому что... Я не знаю почему... – он массирует правое запястье левой рукой. – Я просто не мог.

Он смотрит на Элис, моргает, и она вспоминает молодого человека, зашедшего в море несколько лет назад.

– Я тоже это видела. Три года назад. Я видела человека, заходящего в море. Он снял одежду, аккуратно сложил и просто шел, пока его голова не скрылась под водой. Может...

– Нет, – он качает головой. – Нет. Тот был одет. На нем были джинсы. И рубашка. И... У него было что-то с собой. Он держал в руках что-то большое. И он не заходил. Он прыгнул. Словно пытался от кого-то убежать.

– От кого?

– Не знаю. Но такое ощущение, что от меня.

12

1993

Дом тети Марка был во всех смыслах самым шикарным частным домом из всех, где Грегу приходилось бывать. Он был обставлен в стиле, который его мать называла «претенциозным», и казалось, состоял из множества зеркал в позолоченных рамах и высоких ваз с пышными лилиями. У двери их встретили три терьера и Марк в белой рубашке с поднятым воротником, аккуратных синих джинсах и босиком. Когда они прошли сквозь огромную переднюю дверь, он поприветствовал их бурно, как старых друзей, и повел через круглый холл в заставленный пальмами зимний сад, который называл «оранжереей», где за низким столиком, заставленным пирогом и чайными чашками, сидела очень привлекательная женщина средних лет с тщательно уложенными волосами.

Она встала, улыбнулась и сказала:

– Здравствуйте! Вы пришли! А то я подозревала, что Марк всех вас придумал! Честное слово. Смешной мальчик. Вернулся два часа назад с сумкой, полной муки и яиц, и сказал, что мы должны испечь пирог, потому что придут гости!

У нее был мягкий, приятный акцент, как и у племянника, но Грей не мог не заметить легких ноток истерии в ее манерах. Интересно, это ее нормальное состояние или реакция на странную, обгоревшую на солнце семью, внезапно заявившуюся в ее безупречный дом.

– Но, как бы то ни было, вы здесь, – продолжает она, укрепляя впечатление Грея, – добро пожаловать. И, пожалуйста, прошу вас, садитесь.

Она расправила свою плиссированную юбку и снова села.

– Кстати, меня зовут Китти.

Она пожала им руки, и они представились. Грей заметил, что ее взгляд задержался на Кирсти чуть дольше, чем на остальных. Она нарезала пирог дрожащими пальцами с безупречным маникюром и принялась расспрашивать про коттедж «Рэббит» и их планы на оставшуюся часть поездки. Грей ерзал на стуле из ротанга, смотрел в окно, на идеально ухоженный сад, и задавался вопросом, что они вообще тут делают.

– Марк – очень хороший мальчик, – рассказывала Китти. – У меня, к сожалению, нет своих детей, – она прижала руку к ключице фарфорового цвета, – и поэтому я все время «одалживала» Марка и его сестру. Они мне как родные, и Марк прекрасно умеет за мной присматривать, – она погладила его по руке, он ей снисходительно улыбнулся, и воцарилась первая из нескольких неловких пауз.

– Ну, – разбивает ее Тони, – должен сказать, внутри этот дом не менее потрясающий, чем снаружи.

– Спасибо, Тони, – ответила она. – За эти годы мы провели здесь много счастливых дней.

Она погрузилась – очевидно, вспомнила о недавно почившем муже.

– Как давно он вам принадлежит? – поинтересовалась Пэм.

– Ох, – ее пальцы нащупали золотое ожерелье, – уже лет двадцать или около того. Мы купили его у писательницы. Когда соберетесь уходить, можете заглянуть по дороге в библиотеку – под ее романы там специально выделена целая полка. Своего рода мемориал. Хотя я ни одной не читала. Такая литература не в моем вкусе. Исторические любовные романы, – похоже, это ее слегка смущает. – Итак, Грэхем.

– Грей, – поправляет он. – Все зовут меня Грей.

– Кроме меня, – добавляет Пэм.

– Грей. Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Значит, ты еще учишься в школе?

– В колледже.

– А ты, Кирсти?

– Мне пятнадцать.

Китти приподняла тонкую бровь.

– Совсем юная, – рассеянно заметила она.

Кирсти кивнула и густо покраснела.

– А ты, Марк? – спросил Тони. – Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

– И чем ты занимаешься?

– Учусь в колледже. Бизнес.

– Здорово, – восхищается Пэм. – Кем надеешься стать?

– Миллионером.

Он сказал это с совершенно серьезным лицом, и Грей чуть не подавился чаем.

– Ого, – сказала Пэм.

– Здорово, – заметил Тони. – Похвальные устремления.

Губы Китти превратились в прямую линию, она упорно молчала.

– Ой! – воскликнула Пэм, поворачиваясь на стуле и выглядывая в окно оранжереи. –

Павлин!

И действительно, там, на лужайке, стоял павлин и тряс переливчатым веером перьев, как танцовщица в шоу.

– Ну, это просто вишенка на торте, – рассмеялся Тони. – Павлины!

– Знаю, – устало отозвалась Китти. – Это уже клише. Но у писательницы жила пара этих птиц, и я к ним как-то привыкла. Когда они умерли, я купила новую пару. На удивление приятная компания. У меня есть и другие животные. Ослик. Шетлендский пони. Когда столько места, хочется чем-то его заполнить.

Китти заметила, как засветилась Кирсти, услышав про ослика и пони, и предложила:

– Марк, может, отведешь детей к животным?

– Эм, спасибо, не надо, – отказался Грей, задетый, что его назвали «ребенком».

Марк посмотрел на его сестру:

– Кирсти?

Она кивнула и поднялась, завернув кулаки в рукава, полностью соответствуя понятию «ребенок». И пока Грей наблюдал, как Марк уводит его сестру из комнаты, как они исчезают за дверью, и слушал, как в коридоре разносится и стихает эхо их голосов, он почувствовал мучительную тревогу. Он посмотрел на маму, потом на папу, потом снова на маму, но оба были слишком увлечены попытками поддержания беседы с женщиной, с которой у них не было ничего общего.

Что с ним не так, с этим парнем? Почему рядом с ним у Грея внутри трезвонят все сигналы тревоги? Все дело в деталях, решил он. Босые ноги, аккуратно расчесанные и уложенные волосы, сомнительная связь с холодной, скорбящей тетей, слишком ранние разговоры о том, что он станет миллионером. К тому же вульгарные взгляды на пляже и непонятное приглашение на чай. Все эти детали не вязались между собой. Не могли соединиться ни в один знакомый Грею тип людей. А Грей знал немало странных людей. Кройдон был ими просто переполнен.

Он снова посмотрел на родителей, а потом в окно, на лужайку, где увидел уходящие фигуры его сестры и Марка, дружно бредущие вдаль – Марк смеялся, а Кирсти повернулась к нему, улыбаясь. Потом они ушли, но павлин по-прежнему стоял на месте, мерцая перьями на хвосте и глядя Грею прямо в душу.

13

Пиво быстро заканчивается. Элис хотела пить, и Фрэнк, как оказалось, тоже. Она достает еще пару банок, а когда они заканчиваются и пива больше не остается, она опускается на колени и достает из шкафа бутылку скотча. Скоро полночь, и обычно в это время Элис смотрит на часы и представляет, как истекают ее драгоценные семь часов. Но сегодня время ее не интересует. Время к делу не относится.

Она поднимается на ноги и лезет за бокалами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.